

СВЕТ СКВОЗЬ МРАК

ПОВЕСТЬ

ЛЮДМИЛА ШТОРК-ШИВА

Людмила Шторк-Шива

Свет сквозь мрак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71253763

SelfPub; 2024

Аннотация

В жизни людей так много неразрешенных вопросов! Случается ли это потому, что ответов не существует? Нуждается ли Бог в нашей защите? А может быть, наши представления о Нем иногда нуждаются в пересмотре? Все эти вопросы кажутся праздными до тех пор, пока с нами не происходит серьезная беда. . Эта книга – моя попытка проследить жизнь тех, кто сумел найти для себя ответы на эти сложные вопросы. Конечно, их выводы не единственный ответ. Каждый ищущий, найдет свой ответ, если рискнет увидеть Бога таким, каким он Его еще не представлял, понять то, чего еще не знает о Боге, принять мысль о том, что мы – люди не можем понять Его разум . Нужно иметь немалое мужество, чтобы принять это без бунта и обиды – смиренно понимая, что Бог готов дать покой, и открывать Себя и Свои пути смиренному духом и доброму сердцем человеку , залечивая все раны, полученные им в жизни и ведя человека к совершенству .

Людмила Шторк-Шива

Свет сквозь мрак

Предисловие

Как часто люди ждут от жизни гармонии и справедливости, но как редко они встречаются на земле! В жизни людей так много неразрешенных вопросов! Случается ли это потому, что ответов не существует? Или этот факт свидетельствует о том, что нередко, выдумав себе Бога, мы пытаемся подогнать жизненные факты под свое представление о Нем, все больше разочаровываясь в Боге, страшаясь своего разочарования, выбивающего почву из-под наших ног, и пытаюсь оправдывать Бога, словно Он – подсудимый, а мы – Его адвокаты?! Нуждается ли Бог в нашей защите? А может быть, наши представления о Нем иногда нуждаются в пересмотре? Все эти вопросы кажутся праздными до тех пор, пока с нами не происходит серьезная беда. Но в момент трагедии тот, кто отказывается пересмотреть свои представления о Боге и устройстве мира попадает под категорию обозленных на Бога и весь мир. Или же под категорию людей строго обвиняющих себя за каждый свой малейший проступок, глубоко запрятавших в душе обиду на Бога, который наказывает добрых людей даже за мелочи, но терпит тиранов и маньяков.

При наблюдении на протяжении многих лет, для меня показалось странным, что катастрофы и тяжелые переживания

очень редко разделяют злых и добрых, праведных и неправедных. И случаи, в которых верующие люди не пострадали при стихийном бедствии, называют чудесами, как в случае со сходом лавины на Черном море или при землетрясении в Армении... А ведь чудесами мы называем то, что происходит настолько редко, что мы невольно выделяем это происшествие из общей массы происшествий....

Эта книга – моя попытка проследить жизнь тех, кто сумел найти для себя ответы на эти сложные вопросы. Конечно, их выводы не единственный ответ. Каждый ищущий, найдет свой ответ, если рискнет увидеть Бога таким, каким Он Его еще не представлял, понять то, чего еще не знает о Боге, принять мысль о том, что мы – люди не можем понять Его разум¹. Нужно иметь немалое мужество, чтобы принять это без бунта и обиды – смиренно понимая, что Бог готов дать покой, и открывать Себя и Свои пути смиренному духом и доброму сердцем человеку², залечивая все раны, полученные им в жизни и ведя человека к совершенству³.

Хочу от души поблагодарить моих сестер по вере, которые позволили мне описать их жизнь. Благодарна также Касымовой Валентине Николаевне, поделившейся своим восприятием мира, позволившей использовать ее стихи и песни в этой книге. Валентина Николаевна выражает благодарность всем, кто помог в ее труде на ниве Божией.

Но самая огромная благодарность и поклонение моему Неисследимому и Великому Богу за то, что Он подверг Себя

огромному риску – дать нам свободную волю для того, чтобы получить не роботов, а полноценных личностей, сознательно полюбивших Его, и заплатил за свой риск наивысшую цену. Цену любящего существа, отверженного теми, кого полюбил, отдав за них Свою жизнь... Искупив людей Своей кровью, Бог получил немощную, слабую любовь, лишь немногих из тех, кого создавал и за кого страдал – но это все на что мы – люди способны... и это все, что Ему нужно от нас.

Я не могу понять этого, но от души благодарна Ему за все...

А радости и трудности жизни – это лишь школа, которая воспитывает мой характер... – побочный процесс совместного проживания (как в семье), обрамление, иногда хорошее а бывает и совсем неудачное (с моей стороны), нашей любви и наших отношений с Богом, которые составляют центр моей жизни. Только Он и Его любовь совершенны, я не могу сравниться, могу лишь, преклоняясь, учиться у Него, признавая несовершенство и нередко несправедливость нашего временного мира, в котором каждый делает свой выбор, и на который имеет влияние каждый человек в свою меру...

Только в вечности мы сможем увидеть мир, где полностью правит Бог, где всё и все повинуются Ему. Только тогда и только там мы узнаем Его до конца...4

Свет сквозь мрак

Глава1

Она родилась жизнерадостным ребенком и кроме первого крика, огласившего стены родильного дома, плакала не часто. После первых несмелых шагов, Варвара с радостным смехом побежала, да так и бегала без усталости целыми днями по скромному домику, состоящему из кухонки и пары комнат. Родителей радовала улыбка Варвары, ее звонкий, задорный смех, раздававшийся, казалось, одновременно со всех уголков дома – так быстро меняла девочка свое месторасположение. Девочку радовало все – от большого жука, проползающего по травинке и пушистой снежинки, опустившейся на ее ладошку, до громкого колхозного трактора, будившего ее по утрам, на котором работал ее отец. Родившись седьмым ребенком в семье, Варя довольно скоро стала ее центром. Каждый член семьи старался чем-то порадовать малышку, чтобы услышать ее восторженный, заразительный смех. И добиться этого смеха не составляло труда.

В маленьком домике не было недостатка, но и голодными были нечасто. В смутные тридцатые годы, отец Варвары, спокойный, степенный крестьянин, сумел держаться вдали от политики, трудился изо всех сил «за Родину, за Сталина» и искренне верил, что вождь страны мудр и обязательно приведет ее к благу и процветанию. А страдают и попадают в тюрьмы лишь те, кто не желает блага для страны и ее будущего. Афанасий был немногословен и нередко говаривал, что именно от многословия с некоторыми его согражданами

происходят лишние беды.

Мать Варвары – простая, добродушная женщина не перечила мужу даже в тех вопросах, в которых была не согласна, а уж в разговорах на отвлеченные темы и подавно. Она вела хозяйство, трудилась с другими женщинами на колхозном поле с раннего утра до позднего вечера, едва успевая приготовить пищу своему многочисленному семейству и дать корм немногим домашним животным. Старшие дети присматривали за малышами, каждый в семье знал свое место и свои обязанности. Даже младшая Варя с четырех лет получила свою каждодневную обязанность – выметать после обеда пол в кухне, высыпая крошки, упавшие со стола, курам.

Для страны это время было очень сложным. Люди работали, учились, старались жить как всегда, но тревога и ожидание беды волновали каждое сердце. Немало людей объявлялись «врагами народа» после чего большая их часть пропадала бесследно. Но в колхозе самым важным был труд «на благо партии и народа» и люди трудились с раннего утра до позднего вечера, получая за «трудодни» продукты питания и корм для скота, кто имел домашний скот. Бескрайнее поле свеклы или кукурузы на протяжении всего дня, работа по дому, приготовление пищи, уход за скотом вечерами – это было все, что видела Тамара на протяжении многих лет. Выросшая в деревне, женщина не роптала на судьбу, принимая жизнь такой, как есть, но как все женщины колхоза быстро старела.

В один из вечеров, вернувшись с поля, Тамара заметила на детях странные прыщи. Дети жаловались и чесались. Ночью у двоих поднялась высокая температура. Колхозный фельдшер, заменявший сосланного колхозного врача, сообщил, что это – корь, прописал всем детям красное вино, выдав какую-то мазь для снятия зуда.

– Но вина в нашем доме давно уже не было, – вздохнула Тамара, – может водка пойдет?

– Нет, только виноградное красное вино. Если нет – пусть пьют больше воды и в постели лежат, – ответил фельдшер, – у меня нет никаких лекарств, чтобы помочь им. Эта болезнь сама пройдет, ничего. Только не давайте им гулять на улице – заразят всю улицу, а этого никому не надо.

– Я скажу им, обязательно, – ответила Тамара, – но дети и не смогут гулять. Старшие уже не встают. Можете ли вы написать мне записку в управление, об освобождении меня от работы, чтобы я могла ухаживать за детьми?

– Я напишу, но не знаю, что скажет председатель – ответил фельдшер и написал записку.

Наутро, когда Тамара принесла в правление колхоза записку от фельдшера, председатель рассердился.

– А норму за тебя кто выполнять будет?!

Но ведь все это время я выполняла свою норму... – угасшим голосом произнесла Тамара, – дети всегда самостоятельно с домом справлялись, но сейчас они все заболели!... Дети не смогут сами!

– Если ты не выполнишь норму, я отдам тебя под суд! – жестко оборвал ее председатель, – тогда твои дети будут справляться сами следующие несколько лет, сколько определит суд!

Женщина не выдержала и расплакалась, развернувшись к двери кабинета председателя. Ей вдруг показалось, что на плечи лег неподъемно тяжелый груз. Едва передвигая ноги, Тамара покинула кабинет председателя и отправилась в поле. Весь день сердце женщины разрывалось! Все ее мысли были в доме, где болезнь подкосила старших, да и младшие дети были уже «раскрашены» красными пятнами. Дети не могли ни есть, самостоятельно, ни пить. Даже после глотка воды открывалась рвота. Всю следующую ночь родители ходили между постелями детей, подставляя ведро, или подавая кружку воды. То из одного угла домика, то из другого доносился стон или бред от высокой температуры. Наутро родителям вновь пришлось уходить на работу, изводя себя тревогой за больных детей. Так прошло несколько дней. Последней заболела младшая Варя, ее организм дольше всех сопротивлялся атакам болезни, и она оставалась практически единственной «ходячей» в доме на протяжении последних четырех дней. Пока родители были вынуждены оставаться на работе, девочка ухаживала за братьями и сестрами как могла, но и ее болезнь подкосила.

Через пять дней средняя дочь, болезненная, слабая девочка Соня, не могла поднять головы с постели. Позвали фельд-

шера, и тот настоял на вызове врача из города. Приехавший врач сообщил, что девочка вряд ли поправится. Мать была в отчаянии, на свой страх и риск на следующий день она не вышла на работу. Афанасий зашел к председателю и предупредил о тяжелой болезни дочери. Тот ругался, угрожал, но Афанасий был непреклонен – жена должна остаться дома с детьми!

– Я не поставлю ей трудодни, – отрезал председатель, – в конце месяца она будет отрабатывать по воскресениям и вечером, или пойдет под суд!

Афанасий ушел из кабинета сердитым и хмурым. Он знал, что председатель мог дать его жене выходные, ведь она трудилась почти без выходных уже не один год, и подобная несправедливость душила мужчину глухой яростью. И сейчас Афанасий ненавидел председателя за то, что тот пользовался своим положением для того, чтобы унижить односельчан и получить себе очередную благодарность от руководства ценой их пота и крови. Но он не мог отомстить этому человеку. Не мог даже выругаться в его присутствии, чтобы не навлечь еще большую беду на свою семью. Спустя три дня Соня умерла. Тамара рыдала над телом своего ребенка, проклиная судьбу и жестокость человека, не позволившего ей использовать свой шанс помочь дочери. Собравшиеся соседи жалели безутешную мать, приговаривая, что вряд ли она смогла бы помочь своему ребенку, даже если бы оставалась в ней весь день.

– Корь все равно унесла бы ее, – вздыхали они, – уж больно слаба она была... Не тужи так. Ведь у тебя есть другие дети. Дал бы Бог, чтобы они выросли.

– Не знаю, может вы и правы, но я должна была остаться с Соней в ее последние дни! – отвечала Тамара, – И если есть Бог, то Иван Иванович должен ответить за свою жестокость! – плакала она.

Родители похоронили девочку на деревенском кладбище, а в доме никто из детей не мог подняться с постели. Ослабленный организм и отсутствие витаминов, стали для болезни хорошей пищей. Даже хохотушка Варя не бегала и не смеялась, лишь изредка поднимая голову, просила пить. Корь раскрасила девочку как варенного рака. Обычно маленькие дети легче переносят эту болезнь, но по неизвестной причине Варя выглядела хуже старшего Валентина, температура которого достигала сорока градусов, но пятна на теле были реже.

После похорон прошло три дня, когда Варя, проснувшись к десяти часам утра, позвала мать.

– Мам, сейчас вечер?

– Нет десять часов утра, – ответила Тамара, – тебе водички дать?

– Дай, только чуть-чуть, – Варя помолчала, затем спросила, – а почему на улице так темно?

– Да что ты?! Солнышко на улице сегодня! – не поняла Тамара.

– Нет, дома совсем темно, а на улице почти как поздно вечером, – возразила Варя.

Тамара встревожилась не на шутку и вновь вызвала фельдшера. Тот смог прийти только к вечеру. Осмотрев тело ребенка, он отогнул веки, взглянув на внутреннюю их часть, затем спросил:

– Ты видишь меня?

– Нет, здесь совсем темно, – ответила девочка.

– А сейчас? – фельдшер зажег спичку.

– Сейчас вижу маленькое светлое пятно, – ответила Варя.

Фельдшер тяжело вздохнул и отошел от постели девочки. Выйдя в кухню, он долго не мог выдавить из себя вторую страшную новость. Переминаясь с ноги на ногу, он, наконец, произнес:

– Думаю, вы догадываетесь... У Вари, возможно сыпь пошла на внутренние органы и... – он помолчал, затем с трудом выдавил, – ...и на глаза.

– И что теперь делать? – растерянно спросила женщина.

– Я боюсь, что здесь ничего уже не сделаешь, – вздохнул фельдшер, – ваша дочь не сможет видеть.

– Во время болезни? – в голосе Тамары звучала слабая надежда, смешанная с отчаянием.

– Нет, никогда... – фельдшер проклинал в эту минуту свою судьбу, поставившую его вместо врача на всю округу. Пойдя учиться на фельдшера, он не был готов сообщать подобные вещи, надеясь, что всегда для подобных ситуаций бу-

дет врач, — конечно, мы еще раз вызовем врача из города, хотя в прошлый раз я получил выговор за этот вызов. Иван Иванович считает, что мы сами должны справляться с проблемами.

— Вызовите врача, пожалуйста, прошу вас! Я не вынесу сразу две потери! Я не могу представить, что моя Варенька, наше солнышко, не сможет видеть! — разрыдалась Тамара.

Фельдшер задумался на мгновение, затем решительно тряхнул головой.

— Соберите ребенку вещи. Я отвезу ее в город, в больницу. Так будет лучше. Там больше специалистов, может быть, помогут.

— А как же я оставлю ее? — растерялась мать.

— Я не смогу вам предложить ехать со мной, а Афанасию нельзя бросать работу, — решительно ответил фельдшер, — я позабочусь о том, чтобы у нее было все необходимое. Пусть врачи ее обследуют... если не поздно... — вдруг вырвалось у него.

— Помогите, Владимир Михайлович, прошу вас! — взмолилась женщина.

— Я не Бог, — вздохнул фельдшер, — чем смогу — помогу...

— Не знаю, как уж и благодарить вас!... — запричитала Тамара, — только волнуюсь я очень, маленькая же еще, чтобы одной лежать в больнице...

— Да что вы! — грустно улыбнулся фельдшер, — в пять лет она уже вполне самостоятельная. Там дети и в три года уже

без мамы лежат... Я попрошу, чтобы за ней хорошо ухаживали. Сейчас температура уже спала, так что ей уже легче будет... – попытался успокоить он Тамару. – Завтра я еду в город за лекарствами, и возьму Варю с собой, Иван Иванович даже не узнает, что я ее отвез.

– Хорошо, мы соберем вещи! – воскликнула Тамара, – только бы ей помогли! – женщина вдруг осеклась и задумалась, затем осторожно спросила – а почему Иван Иванович не должен знать? Разве вы собираетесь сделать что-то плохое?

Фельдшер немного смутился, затем, боясь сказать лишнее слово, чтобы не пострадать, если женщина передаст его слова председателю, ответил:

– Я уже не раз Афанасию говорил, что вам лучше уехать отсюда. Я даже работу в городе ему предлагал...

– Так значит это не случайно, что Иван Иванович не дал мне выходных? – догадалась Тамара.

– А разве Афанасий не говорил вам? – удивился фельдшер.

– Нет, он считает, что лишние слова вредят..., но как бы мне его слова помогли, если бы он хоть намекнул, что здесь нам не дадут жить! Я ведь давно просила его переехать... – ахнула Тамара, – Но теперь я не смогу вернуть свою Сонечку.... – она заплакала, затем взглянула на младшую дочь, – только бы теперь Вареньке помогли!

– Я бы очень просил вас не питать больших надежд на

эту больницу. Зрение вряд ли вернется, но, может быть, оно останется хотя бы на том же уровне, что сейчас...

На душе у него «скребли кошки». Владимир Михайлович хорошо относился к Афанасию и Тамаре, а на Варю без улыбки не мог смотреть. Добрая, жизнерадостная девочка при первом взгляде на нее, вызывала светлую улыбку. Он не мог понять, почему на эту семью обрушилось сразу две беды, и нависла еще одна? Конечно, времена были тяжелые, немало семей похоронили своих домочадцев. Но ему хотелось бы, чтобы беды обошли стороной эту тихую семью. За что же председатель взъелся на них?

Фельдшер давно знал, что председатель «копает» под эту семью, но прежде он не мог сказать уверенно, чем им грозит председательская немилость. Не раз он тихонько намекал Афанасию, чтобы тот искал работу в городе, раз уж не дают спокойно жить в колхозе. Фельдшер напоминал, что доктора председатель также уничтожил... Медленно искал «компромат», затем обвинил в саботаже, когда тот не успел провести за три дня вакцинацию в их большом колхозе. Но Афанасий был упрям и твердил, что если бы доктор больше молчал – ничего с ним бы не случилось. Но вчера, проходя мимо председательского кабинета, Владимир Михайлович вдруг услышал обрывок фразы и замер, не в силах оторваться, так как речь шла о тех, кому он искренне сочувствовал.

– ...но ведь они ребенка схоронили... – услышал он сла-

бое возражение колхозного бухгалтера.

– Да я эту семейку сгною на нарах. Они у меня попляшут! – голос председателя звучал так громко, что его можно было услышать с другого конца коридора, – Смотри-ка, она уже четыре дня не работает.... Хорошо жить хотят! Ты разве не слышала, ему брат с севера посылки шлет... он там хорошо устроился, и этих голодранцев кормит...!

Владимир Михайлович понял причину гнева Ивана Ивановича – это была простая зависть. Но, зная нрав председателя колхоза, понимал, что тот одними угрозами не успокоится. Если бы кто-нибудь узнал, что он стал свидетелем этого диалога, то и у него начались бы проблемы, поэтому фельдшер поспешил уйти, сопровождаемый гневными возгласами председателя.

До вечера добрый мужчина думал, как помочь односельчанам, но не мог найти способа. Как убедить их сорваться с насиженного места и уехать подальше с этих мест? Фельдшер знал по опыту – если Иван Иванович взялся – обязательно посадит... найдет причину, сколько бы ни пришлось ему искать. Теперь же у постели больного ребенка, в его сознании ярко загорелась мысль – увезти Варю в город. Он знал, что лечение будет продолжительным, за ним последует период реабилитации, который можно будет пройти только в городе, да и школ для слепых в колхозе нет. Может быть, согласится Афанасий ради ребенка уехать в город, тем самым спасет свою жизнь и семью от большой беды. Конечно, бо-

лезнь Вари – большое горе. Но его можно было использовать на благо ей самой и всей ее семье.

Утром, едва небо на востоке посерело, фельдшер, проезжая мимо двора Серовых, остановился. Афанасий был еще дома, он взял сонную девочку на руки и отнес, в подводу. Мать погрузила несложные пожитки: платице для больницы, полотенце и кусок мыла, бутылочку воды и краюху хлеба в чистой тряпице, всплакнула, что не может поехать с дочерью, и поцеловала ее на прощание. Путники, не задерживаясь более, тронулись в путь.

Глава 2

Варя пролежала в больнице три недели. К сожалению, зрение она потеряла полностью. За это время родители так и не смогли посетить девочку. Председатель, узнав о том, что ребенок Серовых лежит в городе в больнице, усиленно проверял их присутствие в поле не только с утра, но и после обеда. Он знал, что при желании можно добраться в город верхом или на попутном транспорте за три-четыре часа и следил, зная, что кто-нибудь из родителей девочки может отпроситься у бригадира после обеда и к следующему утру вновь вернуться. Даже воскресенье им приходилось работать. Тамара отбывала пропущенные дни, а Афанасию Иван Иванович сказал, что он не имеет права на отдых, так как в деревне ему нет замены. И, хотя один из молодых парней давно мечтал сесть на трактор, председатель не позволял ему сделать

это, мотивируя его молодостью и неопытностью. Председатель знал, что наступит день, когда измученные родители нарушат запрет и поедут к дочери, особенно если ребенка выпишут из больницы. Тогда Иван Иванович будет справлять «свой звездный час», объявив отлучившегося с работы врагом народа, подрывающим экономику великой страны. Серовы также знали, чего ждет их враг, и старались не давать ему повода уничтожить себя. Вопрос переезда был уже решен для семьи. Нужно было лишь решить бытовые проблемы. Поэтому еще через неделю после отъезда Вари, когда Владимир Михайлович вновь поехал за лекарствами в город, они попросили доброго мужчину взять с базы, где раньше Афанасию предлагали работу, бумагу о том, что его принимают на работу. Фельдшер пошел дальше и взял справку о том, что база предоставляет семье общежитие до времени, пока не получат квартиру от предприятия.

А в это время Варя должна была учиться жить заново. Владимир Михайлович был прав в том, что в больнице дети даже младше Вари иногда лежали без матерей. Одного он не учел – эти дети не теряли зрение. Уже в первую неделю со дня, когда для девочки погас свет солнца, ее стали мучить кошмары. В один из дней ей приснился сон:

«Варя стоит посреди жаркой, иссушенной зноем пустыни, о которой рассказала ей когда-то Соня, придя со школы, вдруг она замечает колодец, вырытый в небольшой ложбине

посреди барханов. Она бежит к колодцу, мечтая напиться, и замечает, что у колодца уже стоит Соня. Сестра забрасывает в колодец ведро, с привязанной к нему веревкой, затем медленно поднимает его. Ведро кажется девочке очень тяжелым, и она зовет Варю на помощь. Варя подбегает к сестре, хватается за веревку, и они вдвоем тянут ее. На их разговор и возгласы, колодец отзывается эхом, словно передразнивая каждое слово. Через минуту к голосам девочек, эхом доносящихся из глубокого колодца, вдруг примешивается странный звук, похожий на рычание. Девочки, не обращая внимания, продолжают тянуть веревку. Но вдруг из мрака колодца показывается не ведро с водой, а огромное темное существо, напоминающее лохматого и очень свирепого медведя. Девочки бросают веревку и в ужасе бегут от колодца. Но существо нагоняет Соню и проглатывает ее, затем догоняет и Варю. Девочка кричит в ужасе, бьет ужасное существо руками и ногами, она даже кусает его сквозь вонючую плотную шерсть, но лохматый монстр присасывается к ее глазам и проглатывает их. Наступает полный мрак! Варя в ужасе зовет родителей, но их нет. Где-то в глубине души она знает, что родители бросили ее, но она снова и снова зовет их, даже не надеясь уже на их помощь и поддержку. Монстр удовлетворенно и сыто крякает, затем возвращается в свой колодец. Рот Вари полон его вонючей шерсти, глазные впадины глухо ноют...»

В это мгновение девочка проснулась, продолжая ощущать

во рту что-то противное. Она попыталась открыть глаза, но не смогла. Вернее глаза открылись, но мрак остался прежним – ни зги. Рот оказался набитым тканью больничной наволочки, обработанной в какой-то вонючей жидкости. Девочка отплевалась, вытерла мокрое от слез лицо и попыталась увидеть хоть полоску света, но безуспешно. Варе показалось, что монстр не ушел, он где-то рядом, в темноте палаты! Она громко крикнула имя матери и вдруг вспомнила, что она в больнице и родители не скоро смогут прийти к ней. Иногда Варе казалось, что Владимир Михайлович, который привез ее сюда, лжет, пытаясь утешить ее, и что родители отказались от слепой дочери – кому нужен такой ребенок?

В палату вошла ночная няня.

– Чего ты раскричалась?! – недовольно проворчала она, – сейчас разбудишь других! Если ты не перестанешь кричать – я тебя в коридор выставлю или в темную подсобку!

Девочка хотела сказать, что ей и так темно – везде, но не смогла – душили слезы. Сглотнув ком, застрявший в горле, она только тихо прошептала:

– Я больше не буду...

– Ладно, спи! – бросила няня и вышла из палаты.

В палате тихо посапывали другие дети, некоторые всхлипывали во сне, также как Варя, скучая по маме и папе. Дождавшись, когда за няней захлопнулась дверь, девочка дала волю молчаливым слезам. Она плакала долго, навзрыд, затем устав от слез и большого детского горя, затихла. Вылакав все

слезы, Варя получила способность слышать то, что происходило вокруг, и тишина больницы немного успокоила девочку. Даже строгая и вечно недовольная ночная няня сейчас была ангелом-спасителем для нее. Самое главное – няня была взрослой, кроме того, у нее был грубый, почти мужской голос и она представлялась Варе большой и сильной. Если няня считает, что бояться нечего – значит, монстра рядом нет... Прошло несколько минут после мысли о том, что монстра рядом нет, как уставший ребенок уснул. Мысль о безопасности в этот момент была самой важной и необходимой для маленькой девочки.

На протяжении следующих дней и недель, этот сон повторялся неоднократно в различных вариантах. Варя все чаще начинала плакать и кричать даже днем, стоило ей остаться одной в палате. Ужасный монстр теперь преследовал не только ночью, но и днем. Варе казалось, что монстр выползает из-под кровати, и она нередко лежала без движения, сжавшись в комочек. Врач предложил ей перебраться на кровать, стоявшую в углу палаты. Варя с радостью согласилась, ведь в углу сразу с двух сторон ее защищали стены. Но этого хватило ненадолго, страх, как плесень, разрастался в душе девочки, покрывая все большую часть ее души. Не раз Варя боялась встать с постели, когда в палате никого не было или все дети спали – и бывало, что постель Вари оказывалась мокрой – она не могла себя заставить встать и дойти до туалета. Девочку ругали, даже оставляли без обеда за это, но ничего не

помогало. Из жизнерадостного, веселого всеобщего любимца, Варя превратилась в запуганную, вечно вздрагивающую и раздражающую всех окружающих девочку.

Однажды старенькая медсестра, которая уже давно была на пенсии по возрасту, но все еще продолжала работать, подошла к ее кровати.

– Варенька, – тихо спросила она, – чего ты боишься так сильно?

– Ничего, – пробормотала девочка, сжавшись в комочек и уползая в дальний угол кровати.

– Ты так сильно боишься, что даже рассказать не можешь? – терпеливо и мягко продолжила расспросы старушка.

Девочка затрясла отрицательно головой.

– Ты боишься, что кто-то может услышать наш разговор? – поинтересовалась медсестра.

На этот раз Варя затрясла головой, но уже утвердительно.

– Но в палате никого нет, все на ужин пошли, – сообщила старушка.

– И он тоже? – осторожно спросила Варя.

– Кто – он? – не поняла женщина.

– Тот, страшный, лохматый, который съел мои глаза, – уточнила Варя.

Мудрая старушка поняла, что достучалась до самых тайных страхов ребенка и каждую следующую фразу говорила очень осторожно, продумывая не только слова, но и тон, ко-

торым они будут сказаны.

– Тот лохматый, которого ты боишься, сбежал давно. Врач прогнал его, ... – начала медсестра, следя внимательно за мимикой ребенка. Ей предстояло разбить страх в душе девочки, убивающий ее душу.

– Правда? – усомнилась Варя, – а почему он недавно приходил ко мне и опять пугал меня?!

– На этот раз приходил не тот зверь, это приходил твой страх перед этим зверем. Сильный и умный врач прогнал ту болезнь, которая съела твои глазки, но твой страх ты должна победить сама. Если хочешь, я помогу тебе. Только ты должна все-все про него рассказать мне. Этот страшный и лохматый страх очень боится, чтобы про него рассказали. Он всегда становится слабее, когда ты рассказываешь о том, что этот пакостник натворил. Страх как мальчишка-хулиган убегает, если кто-нибудь увидит, как он пакостит, – попыталась объяснить медсестра.

– Да, это правда. Я сейчас рассказала и мне стало немножко не так страшно... только вы не уходите... пожалуйста! – Варя осторожно придвинулась в пожилой женщине, ища у нее защиты от своих страхов.

– Я немного побуду с тобой, потом провожу тебя в столовую, чтобы ты покушала. Ты такой худенькой стала! – медсестра погладила осторожно Варю по спине, и та вдруг порывисто прижалась к женщине, и расплакалась.

– Ну что ты! Ладно уж... – немного растерялась старушка,

но прижала Варю к себе и нежно погладила по голове, – по маме соскучилась? – догадалась она.

– Она меня бросила!!! – разрыдалась девочка, – потому, что я слепая! Я теперь никому не нужна!!! Почему я стала слепой? Неужели я хуже всех?

– Нет, малышка, твоя мама не бросила тебя... – попробовала успокоить старушка Варю, но вдруг поняла, что пустые заверения не помогут, нужны веские доказательства. Поэтому она продолжила – когда от детей отказываются, пишут специальную бумагу. Твои родители не писали такую бумагу. Наоборот они передали нам, что они постараются найти деньги, оплатить санаторий, чтобы ты поправилась. Для таких как ты санаторий у нас бесплатно, но мы еще не успели им об этом рассказать твоим родителям, – старушка грустно помолчала, затем добавила, – я не знаю, почему именно ты потеряла зрение... но уж точно не потому, что ты хуже всех. Беды разные случаются у разных людей, и у плохих и у хороших людей. Поэтому самое главное запомни – ты не должна думать, что ты в чем-то виновата. Ты слишком мала для этого! Просто тебе нужно научиться жить с тем, что ты имеешь, и самое главное – постарайся не ожесточить свое прекрасное сердечко!

– Правда, они не бросили меня? – приподняла недоверчиво бровь девочка.

– Я знаю это совершенно точно. Врач спрашивал, готовы ли они подписать бумагу, чтобы ты осталась в интернате для

незрячих. Они отказались. Передали, что будут заботиться о тебе сами, и приедут к тебе, как только их с работы отпустят. Когда мы пролечим твои глазки до конца – они заберут тебя домой, – заверила мед сестра, – а теперь пойдем в столовую – иначе тебе не хватит ужина.

– Ну и что, блаженно улыбнулась девочка, все еще прижимаясь к теплому боку старушки, в белом халате – меня мама потом накормит...

– Обязательно накормит, я в этом не сомневаюсь. А что ты любишь кушать?

Ответив на самый затаенный вопрос девочки, мудрая женщина не стала смаковать тему, чтобы дать ответу укрепиться в душе ребенка, переведя разговор на близкую ей тему, о родном доме, но с намерением плавно перевести Варю к будням больничной жизни, чтобы помочь ей дожждаться выписки из больницы.

– Я люблю суп из курочки... – мечтательно протянула Варя.

– Сегодня на ужин простые макароны, но они помогут тебе дожждаться дома и твоего любимого супчика... – сообщила женщина.

– Ладно, я покушаю макароны, и тогда дождусь маминого супа!

Уже бодро и радостно сообщила Варя. Природное жизнелюбие ребенка и прежнее стремление ко всему красивому и радостному, проснулось в душе Вари. Она на время даже

про монстра забыла. Через минуту она уже довольно уверенно шагала рядом с медсестрой по направлению к столовой. Здесь, в больнице, Варя уже неплохо знала дорогу в столовую и обратно, поэтому отсутствие зрения не слишком сковывало движения. Она шла рядом с доброй женщиной и загадочно улыбалась. Скоро придут ее мама и папа, и больше она не будет одинока и всеми покинута.

В столовой Варя впервые за все время пребывания в больнице хорошо поела, хотя пресную больничную еду нельзя было назвать очень вкусной. Теперь даже в больнице Варя не чувствовала себя одинокой, так как у нее появился «подруга», которая не ругала ее за страхи, а готова была помочь.

Глава 3

Когда Владимир Михайлович привез хорошие новости из города, в семье Серовых начались сборы. Домик, в котором они жили, принадлежал колхозу, и поэтому семья собирала только те вещи, что принадлежали им. Афанасий сходил к парню, который давно просился на трактор, взял с него заявление с просьбой перевести его с фермы на трактор, затем написал свое заявление об увольнении и с этим пошел к председателю.

– Иван Иванович, я решил уехать в город жить, – спокойно произнес Афанасий, едва сдерживая улыбку торжества, так как знал, что теперь председателю будет очень трудно удержать его в колхозе, чтобы довести до конца свое черное

дело. — У меня тут просьба от парторга автобазы, чтобы я взял новый ЗИЛ, у меня ведь есть права на машину.

— Когда ты успел?! — не понял Иван Иванович, — ты же должен был быть на работе каждый день? Ты что, сбегал с работы?!

— Нет, друзья в городе помогли, а потом бумагу передали, — сдержано ответил Афанасий.

Проверив документы и прочтя просьбу «молодого специалиста» о предоставлении ему транспорта, Иван Иванович был в ярости. Он не ожидал такого поворота событий, он даже не смог скрыть огорчения, но спохватившись, быстро «объяснил» его.

— Что ж, ты хорошо подготовился... Не подозревал о твоих талантах в составлении нужных бумаг. Может, кто-то из колхоза помог?

— Нет, я сам все сделал, — солгал Афанасий, понимая, что не может выдать доброго фельдшера, не погубив его.

— Жалко будет потерять такого тракториста... и специалиста по составлению нужных бумаг, — съязвил Иван Иванович напоследок.

Заявление председатель подписал, даже без отработки. Так что уже через несколько дней семья Серовых покинула родной колхоз. Дети были еще слабы после перенесенной болезни, поэтому Афанасий попросил с базы крытую машину для переезда. На удивление, директор согласился, так как один из водителей повез груз в колхоз, расположенный на

два десятка километров дальше от города и обратным рейсом шел пустой. Поэтому путь до города не показался для семьи слишком сложным.

Тамара пришла на посещение к дочери с вестью, поразившей ребенка – теперь вся их семья стала городской. Варя не знала, радоваться этому или огорчаться. Для нее важным было одно – теперь мама будет приходить каждый день. Все время после страшного сообщения, ей так необходимо было сильное плечо отца, нежная забота матери, но их не было рядом, и девочка переживала это едва ли не тяжелее потери зрения. Даже в те дни, когда ее не мучили кошмары, ночами она плакала в подушку, а наутро врач ругал, напоминая, что от слез ее глаза будут болеть еще сильнее. Но теперь ее посещали два-три раза в день, и Варя радовалась от всей души. Огорчало девочку лишь то, что она не могла видеть родных лиц.

Варе трудно было привыкнуть к своему новому положению, но родным это оказалось едва ли не труднее привыкнуть к тому, что теперь Варя совсем другая. Особенно в первые дни. После первого посещения Валентин признался матери:

– Мам, я не могу смотреть ей в лицо! Это так ужасно! Мне было стыдно, но я подумал, лучше бы она не старалась открывать глаза – эти белесые зрачки меня в ужас привели! Хорошо, что Варя не видела моего лица, я думаю, ей было бы, еще больше...

– Мне тоже тяжело видеть ее глаза – со слезами на глазах ответила мать, – а представляешь, каково ей? Если бы Варюшка никогда не видела – наверное, ей было бы, легче без сравнения с прошлым. А сейчас она снова учится делать все.... Врач сказал, что скоро глаза вообще не будут открываться, потому что зрачки все еще усыхают...

– Нечего смаковать чужие боли! – резко «взорвался» отец. – Лучше думайте, как все в доме сделаем, чтобы Варя не поранилась случайно где-нибудь!

– Как будто бы мы сможем сделать что-то? – проворчала Нина, – здесь еще теснее, чем дома.

В общежитии действительно было очень тесно, сложно было что-либо расставить иначе – вся семья разместилась на полу, на привезенных матрасах.

Варю выписали ненадолго, через месяц ей нужно было ехать в санаторий, расположенный недалеко от города, куда ее направил лечащий врач. Но в течении этого времени, родные должны были возить Варю в центр реабилитации для продолжения лечения и адаптации.

Для семьи эти дни показались долгими. Требовалось время, чтобы спокойно смотреть на закрытые, немного ввалившиеся веки и понимать, что эти глаза никогда не смогут видеть. Немало долгих бессонных ночей провела Тамара, думая о судьбе дочери, пытаясь понять, что же теперь делать им, ее семье? В то утро, отправляя дочь в больницу, она не предполагала, что жизнь всей семьи полностью изменилась.

Теперь проблемы вырастали и множились как грибы после дождя. Нужно было приспособливаться к новым условиям жизни в городе и привыкать к больному ребенку. Но в тесноте нового жилища, пока никто не устроился на работу кроме Афанасия и Валентина, которого взяли учеником и в первый месяц не обещали платить, новые проблемы казались неподъемными. Скоро ей самой нужно будет выходить на работу, но как оставлять незрячего ребенка одного?!

На занятиях в реабилитационном центре, где большинство детей были намного старше Вари, добродушная женщина-инструктор объясняла детям, как ориентироваться в помещении, как пользоваться тростью, определяя по звукам опасные предметы: люки, бордюры и другие препятствия. Тамара наблюдала за врачами и обслуживающим персоналом, они были всегда доброжелательны и терпеливы к пациентам. Женщина-инструктор держалась всегда ровно и внимательно.

– Обратите внимание, как нужно держать трость! – объясняла она. – Правильно держать трость также важно, как скрипачу правильно держать смычок. Вам нужно научиться определять предметы на звук, который они издают, когда вы касаетесь их тростью...

Занятия проходили каждый день, девочка вступила в новый мир со своими законами и правилами. Эти законы ей приходилось познавать, чтобы не потеряться в круговерти жизни и не уйти из жизни раньше намеченного срока. Утром

Варю отвозили в центр по очереди, кто был свободен, вечером также забирал тот, кто освободился раньше других. И с каждым членом семьи, кто приезжал в центр, врач пыталась провести разъяснительную беседу.

Несмотря на весь трагизм ситуации, стало понятно, что жизнь для Вари совсем не закончилась, а также как и прежде – лишь начинается. Инструктор не только обучала потерявших зрение, жить с новыми ограничениями, но и помогала родственникам относиться к ним правильно, не вздыхать над ними, а помогать им стать более самостоятельными и приспособленными к жизни.

– Если один из семьи потерял зрение, отношения в семье не могут оставаться прежними – иначе все в семье будут страдать в большей или меньшей степени. Если ваши отношения изменятся – вы не будете терпеть лишних страданий и стрессов, – наставляла женщина каждого, кто приходил с потерявшим зрение пациентом.

Одна из сотрудниц научила девочку вязать узлы «макраме». Домочадцы радовались, что у Вари появилось хоть какое-то занятие, что ей не придется сидеть целыми днями и ждать, чтобы кто-то ее развлекал, хотя никто не предполагал, что приобретенные навыки могут принести хоть какую-то пользу. Теперь каждый член семьи старался принести домой каждую веревочку, собирали любые упаковочные веревки всех размеров и цветов, так как покупать их для плетения они не могли.

В один из дней преподаватель центра предложила Валентину, который в тот день забирал Варю с занятий:

– А почему бы вам, не сделать полочку для книг или еще чего-нибудь, а Варя сплетет узорные крепления для подвесной полки. – Женщина набросала рисунок предполагаемой полки, – я Варю учила вязать крепления для полок.

– А это идея! Удивился Валентин. – И Вале занятие и нам полка. А то я давно мечтал себе полку купить, да денег не хватает. А этот вариант намного дешевле....

– Я смогу сделать ее из веревочки, – деловито сообщила Варя, – Я смогу ее очень быстро связать, как Василиса Никифоровна научила!

– Не торопись, – усмехнулась преподаватель, – я же говорила тебе, что торопливые руки все портят.

– Нет, я торопиться не буду... – смутилась девочка, – но я постараюсь больше плести, и это не будет долго.

– Вот это правильно, – похвалила женщина, шутливо подмигнув Валентину, – вы тоже напоминайте сестренке, чтобы она не торопилась. А то она так увлекается скоростью, что начинает делать ошибки в узлах.

Валентин немного нахмурился. Ему было неприятно, что его сестру критикуют. Сам он, жалея, нередко захваливал Варю, и та начинала «задирать нос», получая после этого много проблем. По дороге домой Варя болтала без умолку, рассказывая, как она будет плести крепления, какая красивая получится полка. Валентин не мог сказать малышке

правду, что ей нужно еще много работать, чтобы все получалось так, как она говорит, и он только изредка поддакивал. К концу пути у парня разболелась голова от «трескотни» сестры, но он считал себя должным молчать и поддакивать, и Варя решила, что старший брат понимает ее лучше всех и ценит ее талант.

Прошла неделя, в субботу у Валентина был выходной, и Тамара после завтрака спросила у сына:

– Ты отведешь Варю в центр?

Валентин оглянулся – Вари не было рядом.

– Мам, отведи ты... – он помялся, – у меня голова раскалывается от ее трескотни. С тех пор как она занялась «мак-раме», она всю дорогу болтает без передышки!

– Так скажи ей, чтобы она помолчала, – удивленно напомнила мать.

– Я не могу... мне жалко ее. Она и так незрячая, пусть хотя бы считает, что талантлива не по годам... – пробурчал смущенно Валентин.

– Сын, ты не прав, – возразила Тамара, – мы должны говорить ей правду и воспитывать ее так, чтобы она могла нормально и полноценно общаться с людьми. Нам же постоянно напоминают об этом в центре.

– Не знаю, может они и правы, но я так не могу, – вздохнул Валентин, – но и возить ее я тоже не могу. Для меня лучше смену отработать!

Тамара тяжело вздохнула.

– Посмотри, сын. Ты – Варин брат, и ты уже не хочешь общаться с ней даже один час, ... а что брать с посторонних? Если она будет вести себя так, у Вари не будет друзей. Неужели ты желаешь ей такого?

– Нет, мам, я хочу, чтобы у нее были друзья... – растерявшись еще больше, начал оправдывался Валентин, – но... – и вдруг он осекся на полуслове. В дверях кухни стояла Варя с заплаканным лицом.

– Ты – обманщик!!!! – крикнула она, – ты сказал, что я талантлива! А ты просто обманщик!!!

Варя круто развернулась и попыталась убежать в комнату, но от расстройства не могла посчитать шаги и с разбега ударилась в стену на повороте в комнату. Упав на пол, девочка разрыдалась еще больше от беспомощности и отчаяния. Тамара и Валентин кинулись поднимать ребенка, но Варя с рыданиями отбрасывала их руки, крича:

– Отстаньте от меня! Я сама! Вы все просто жалуете меня и врете! Я никому не нужна! Сдайте меня в интернат и живите спокойно!

Сердце Валентина сжималось от боли за сестру и от стыда. Он миллион раз пожалел о своей лжи. Теперь он понимал, что необходимо исправить то, что он сделал. Немного оттеснив мать, он дал ей знак глазами, затем шепнул:

– Мам, это я должен сделать.

Тамара не была настроена уступать. Матери казалось, что она обязана защищать свое чадо грудью даже от собственно-

го сына. Она оттолкнула Валентина и сказала:

– Уйди, я сама разберусь! Ты уже сделал свое дело!

Валентин проглотил ком, подкативший к горлу и вдруг, не сдержавшись, выпалил:

– С тебя пример взял. Ты тоже пытаешься ее от жизни защитить! – и выскочил из дома.

В этот день Варя была очень молчалива, все попытки матери заговорить, разбивались о ее упорное молчание, и, наконец, мать замолчала сама. Тамара сама повезла дочь на занятия и дождалась ее там, так как в субботу занятия были только до обеда. Обед Тамара не смогла приготовить, оставив распоряжение Лене – средней дочери, чтобы та пожарила картофель на всю семью. Валентин пришел домой только после обеда, когда Тамара с Варей уже вернулись с занятий. Он молча прошел в комнату, также молча лег на свою постель, уставившись в потолок.

Для Вари это утро было самым тяжелым, если не считать времени в больнице. Она поняла, что родные лгут ей, жалея ее. И теперь девочке нужно было жить с этим. Малышка совсем растерялась. Если нельзя верить родным и всему, что они говорят, то чему и кому можно верить?! Где же правда? Может ли она быть полезной для людей или ее всегда будут только жалеть, терпеть и считать обузой? Все эти вопросы были слишком сложны для пяти летней девочки, и она чувствовала себя подавленной и растерянной. Она не полностью осознавала их, но слишком ярко ощущала сердцем.

А Валентин, бродя по городу в это утро, ненавидел болезнь, сделавшую его жизнерадостное солнышко, любимую сестренку этим беспомощным, затравленным ребенком, склонным к истерикам и тоске. Он вспоминал время, когда играл с малышкой во дворе, показывал ей цветы, как смеялся над ее восторженным писком при виде красивого цветка или прилетевшей на цветок пчелы... Он не знал, как исправить все, как вернуть сестре ее жизнерадостность и улыбку. Сейчас она так редко улыбается. В это утро Валентин понял, почему не может слышать критики в ее адрес, почему лгал, преувеличивая ее талант. Все это он делал для того, чтобы вернуть прежнюю хохотушку-Варюшку, маленькую любимицу. И ему пришлось признаться:

– Это навсегда! Она не будет прежней... – вздохнул парень, бродя по улицам города, – но неужели ничего нельзя сделать?!

Вдруг Валентин вспомнил то, что говорила ему воспитатель центра:

– Этим детям нужно научиться жить заново, найти себя в этом мире. Они смогут быть счастливы, если примут себя такими, какими они стали. И всей семье нужно помочь им в этом. Примите их, помогите им найти свое место в жизни, не решайте за них все проблемы, а помогайте им решать проблемы, и учиться, как делать это. Поэтому всей семье очень важно научиться также говорить им правду, но очень мягко. Дети, потерявшие зрение очень ранимы, но они также очень

сильно чувствуют ложь. Будьте чутки к ним.

И теперь, придя домой, Валентин решил поговорить с сестрой «по душам». Но нужно было дожждаться, чтобы матери не было дома. Чтобы она снова не кинулась ограждать Варю от всего. Когда он вернулся домой, мать возилась на кухне, лишь бросив хмурый взгляд в прихожую. Валентин полежал на постели несколько минут, прислушиваясь к звукам, доносящимся с кухни. Затем он встал и подошел к постели Вари, которая тихо лежала на своем месте, и непонятно было, спит она или просто лежит?

– Сестренка, ты спишь?

Варя приподняла голову, повернув лицо к говорящему.

– Нет, не сплю, – ответила она.

– Я не хотел тебя обидеть... – Валентин помялся, – но, понимаешь...

– Я знаю, что я мешаю тебе... – вдруг не по-детски серьезно ответила малышка.

– Нет, ты не мешаешь! – растерянно залепетал Валентин, – просто я был не прав...

– Ты обманул меня, ты говорил – у меня талант, – перебила Варя, – и сейчас обманываешь!

– Нет, сестренка, послушай, подожди, – старший брат сделал внушительную паузу, затем заговорил вновь, – я был не прав в том, что слишком сильно хвалил тебя, а потом не сказал тебе о том, что я устал от разговоров про макраме. Но у тебя действительно получается достаточно хорошо. Даже

зрячие девочки твоего возраста не все смогут связать такие ровные узлы, какие получаются у тебя, но ты не должна зазнаваться и много говорить об этом... – закончил он.

– Ты не обманываешь опять? – подозрительно переспросила девочка.

– Нет, теперь я говорю правду. Утром я не хотел тебя вести потому, что ты по дороге слишком много говорила, а я не мог сказать тебе, что у меня болит голова. – Попытался объяснить Валентин.

– Ты не мог говорить?! У тебя рот был закрыт на замок? – удивилась Варя.

– Ну... что-то в этом роде,... – усмехнулся брат.

Валентин заметил, что сестре стало легче после их разговора, и он тоже успокоился. Чувство вины, вызванное утренней сценой, исчезло, но парень ясно понимал, что не только он, но и вся семья все больше устает от забот связанных с больным ребенком, и поэтому это чувство все же тревожило его. Тяжелые условия быта, новое место, больная сестра, которая также еще не свыклась со своим положением – все это накладывало свой отпечаток на отношения и самочувствие каждого члена семьи. Каждый пытался устроить свою жизнь на новом месте и тяготился необходимостью заниматься больным ребенком. Даже у матери все больше накапливались досада и раздражение. Все чаще она возмущалась, что ей чаще других приходится возить Варю на занятия и забирать домой. Споры по поводу того, кто будет отвозить

ребенка, и забирать его, возникали в семье все чаще. После последней субботней сцены, члены семьи перешли на жесты во время споров. Варя не слышала пререканий, но ясно ощущала, что вокруг нее что-то происходит, и напряжение в доме растет. Ни один из членов семьи не принял проблему ребенка до глубины души, чтобы разделить ее трудности и помочь ей жить.

Месяц перерыва между больницей и санаторием закончился, и Варю отвезли к месту сбора для отправки в санаторий. Все члены семьи, скрываясь друг от друга, облегченно вздохнули. Теперь каждый занимался собой, одни школой, другие работой. Варю определили на месяц, затем уговорили врача продлить еще на один месяц. За время пребывания девочки в санатории родные посещали ее не часто, отец приехал один раз в первую неделю, затем они приехали вместе с матерью, ... и больше Варя не слышала их голосов, не ощущала прикосновения рук и запаха родного тела. К концу пребывания в санатории малышка узнала, что будет отправлена в интернат для слепых и слабовидящих в город Омск. Врач, явно скрывая что-то от нее, сказал:

– Понимаешь, Варя, так будет лучше. В интернате тебя научат читать по специальному букварю, ты сможешь получить даже высшее образование, если пожелаешь.

– Но я же из дома могу приезжать, чтобы учиться... – попыталась возразить Варя.

– Дело в том, что интернат находится очень далеко от ва-

шего дома, он находится в другом городе.

Девочка почувствовала что-то неладное. Она вся сжалась и осторожно спросила:

– А на каникулы я смогу домой ездить?

Врач тяжело вздохнул, именно этого вопроса он боялся больше всего. Но теперь приходилось отвечать и на него.

– Понимаешь, малышка, ... – доктор набрал побольше воздуха в легкие, затем выдохнул, – к сожалению тебе придется жить в интернате... Твои родители подписали бумаги... они не могут о тебе заботиться... Может быть они и будут брать тебя на летние каникулы, но лучше тебе на это не настраиваться.

Варе вдруг показалось, что ее облили ушатом горячей воды, ей стало жарко, затем ноги и руки похолодели. Ужас, о котором она уже почти забыла, преследовавший ее в больнице, вдруг вернулся умноженным в несколько раз! Хотелось бежать куда-нибудь, крича от страха, но ноги словно примерзли к полу, да и бежать было некуда. Теперь она никому не нужна, даже мать с отцом, братья и сестры отказались от нее. Маленькая, худенькая девочка сидела на стуле в кабинете врача, напряженная как натянутая струна. Прошло несколько тягостных минут, прежде чем врач, заметивший неестественную бледность девочки и ее заторможенные реакции, догадался дать ей успокоительное лекарство. Когда девочке стало легче, он проводил ее в комнату, которую она делила с пятерыми девочками ее возраста. Двое из них были

из интерната, трое «домашними». Раньше Варя относилась к числу «домашних», но теперь она перешла в число «интернатских».

Больше Варя не была в тесном общежитии, где ютилась ее семья еще около года, не видела также и новую квартиру, которую они получили от предприятия. Когда родители Вари написали заявление, они обещали забрать ребенка, когда получат жилье, но опытный врач не стал травмировать девочку иллюзорной надеждой. По опыту он знал, что не много семей выполняют свои обещания. Его предположения оказались правдивыми. Родители не забрали свою малышку, когда получили жилье. Они уже привыкли жить без нее и не желали обременять себя дополнительной заботой.

Варя осталась жить в интернате навсегда. Одно было лучше в этот раз – девочки, с которыми Варя познакомилась в санатории, попросили администрацию поселить ее с ними в комнату, и Варе было не так одиноко. Света и Юля – две подружки, одна из которых была слепорожденной, а вторая слабовидящей, всегда были вместе. Они приняли Варю в свою «команду» и теперь девочки везде были вместе. В интернате их прозвали «святой троицей» за неразлучность.

Иногда глядя на их игры и смех, врачи удивлялись жизнелюбию детей – даже в их положении, дети находили причины для радости и смеха. Жизнелюбие Вари через время тоже взяло верх. Она стала чаще смеяться, шутить и с удовольствием рассказывала все, что узнавала об окружающем

ее мире. Она помнила цвет деревьев и травы, даже помнила большого жука, который привел ее в восторг, взлетев с крупного цветка в саду. Картины мира, украшенные фантазией детства, изображали природу удивительной и прекрасной и девочки не раз забывали о сне, рассказывая друг другу свои мечты и фантазии.

Через месяц в интернат поступила новенькая, девочку звали Яной. Яну определили в комнату, в которой уже прижилась Варя. Варя приняла новенькую настороженно. Кто знает, что принесет эта новая девочка в их комнату? Но вскоре девочки сдружились. Яна обладала мягким, уступчивым характером, очень любила цветы и траву. Во время прогулок во дворе она садилась на траву, осторожно ощупывала каждую травинку и цветок, наклонялась и с наслаждением вдыхала их запах.

В один из первых дней Варя, играя с куклой, спросила на прогулке свою новую знакомую:

– А что ты делаешь, тебе не скучно? У тебя же нет куклы.

– Ну и что, зато у меня есть цветы! – восторженно ответила Яна. – Они даже лучше куклы, потому, что живые!

Яна часто спрашивала у преподавателей и врачей о том, что происходит вокруг, интересовалась какого цвета вода в озере или облака в небе. Девочки любили слушать Янины рассказы и впечатления о том, что ее окружало. Даже Юля, которая видела окружающий мир в виде светлых и темных пятен и нередко помогала подружкам ориентироваться

в пространстве, не могла так интересно передать своих впечатлений. Но самой увлекательной оказалась придуманная Яной история про маленьких зеленых человечков, которые живут в траве и запоминают всех, кто прикоснулся к ней. Эту историю Яна долго не рассказывала, храня ее как сокровенную тайну. Девочка боялась, что ее засмеют за фантазии. Лишь однажды она рискнула рассказать часть истории, и подруги увлеклись настолько, что Яне пришлось рассказывать все новые и новые продолжения этой сказки из вечера в вечер на протяжении целой недели.

Варя скоро очень привязалась к своей новой знакомой. Даже Юля и Света иногда ревновали ее к новенькой. Но прошло время, отношения детей вошли в свое русло. Троица так и осталась неразлучной, а Яна, несмотря на хорошее отношение девочек к ней, все-таки осталась немного отстраненной. Иногда она уходила гулять по территории интерната, сидела на траве, тихо перебирая листочки и цветы. Часто пела те песни, которые слышала дома или здесь, в интернате. Но остальную часть дня Яна с удовольствием проводила в общении. Девочки вместе участвовали в местном хоре и в группе художественной самодеятельности.

Яна жадно ловила любую информацию о всем, что ее окружает и через время создавала свою причудливую картину окружающей природы, удивительно реалистичную и сказочную одновременно. Ночная няня, задерживаясь иногда в комнате девочек до позднего вечера, не прерывала рассказов

Яны, заслушавшись и забыв о времени. Мало кто в интернате говорил о своем прошлом, так как многих детей бросили родственники, Яна также не распространялась о том, что в ее жизни было до интерната. Лишь изредка она бросала короткие фразы о матери, об отце или о бабушке с бабушкой, по которым можно было понять, что родственники все же у девочки есть. Но никто из них никогда не появлялся в интернате, и Яну не забирали на каникулы как некоторых детей. Она была «интернатской».

Глава 4

Семья матери Яны была большой и очень бедной. Все семь детей были розданы в батрачество. Родители не могли прокормить своих отпрысков, отдавая их внаем уже с шести-семи лет. Мать Яны, несмотря на маленький рост, была крепкой и выносливой девочкой. Она была отдана в батраки в богатую семью, когда ей едва исполнилось восемь лет. Несколько лет девочка жила в богатой семье, обучаясь работе по дому. Работать приходилось с утра до позднего вечера, и все же жизнь девочки была лучше жизни ее братьев и сестер, нанявшихся в батраки в деревне. Богатый дом, красивые вещи и разнообразие на столе хозяев, рождали в душе девочки стремление к красивой жизни, к богатству. Она не задумывалась о том, что все, что она видит накапливалось годами кропотливого труда. Девочка видела лишь результат и мечтала получить этот результат. Прошло несколько лет, и

хозяева отправили Машу домой. Они не объясняли причины, просто рассчитались с родителями и отпустили девочку.

Пришлось родителям искать для дочери новое место. Девочке было уже одиннадцать, она многое умела, и конечно, могла претендовать на большую оплату своего труда, после обучения в большом и приличном доме. Наконец нашлась в деревне семья, кому нужна была помощь в доме. В семье был ребенок, за которым нужен был уход. Машу отправили в эту семью. Хозяева – муж и жена, работали портными. Они разъезжали по деревням, обшивая жителей. Приехав в деревню, они снимали комнату и жили в ней до тех пор, пока не заканчивались заказы на пошив одежды. Пока ребенок был совсем мал, жена оставалась дома с ним, и заработанных мужем денег хватало только едва свести концы с концами. Но как только маленький Коля подрос – Василиса Николаевна тоже собралась в дорогу, чтобы иметь возможность заработать больше. Своего семилетнего сына они не могли возить с собой и поэтому наняли девочку, которая ухаживала за ним. Маша поселилась в теплой пристройке дома Доринных, прекрасно справляясь со своими обязанностями. Она следила за хозяйством, готовила пищу и ухаживала за мальчиком. В свободное время дети играли вместе и прекрасно ладили между собой.

Но когда Коле исполнилось четырнадцать лет, игры приобрели совсем иной оттенок, и мать Коли встревожилась. Перед очередной поездкой в соседнюю деревню, хозяйка по-

звала батрачку к себе.

– Маша, – строго начала она, – я вижу, что ты нравишься Коле, и он тянется к тебе. Ты – девушка уже достаточно взрослая и должна понимать – ты ему не ровня! Кроме того, он еще слишком мал, и если ты не дашь повода – Коля будет играть с мальчишками в мяч и не задумается о девчонках! Если что-то случится – ты не войдешь в нашу семью, запомни это и даже не надейся на какие-то изменения!

– Что вы! – опустила глаза Маша, густо покраснев, – я даже не думаю ни о чем таком!

– И я очень надеюсь, что это так и останется, иначе ты вылетишь из нашего дома! – жестко добавила Василиса Николаевна, мечтая, чтобы внешняя жесткость вразумила девушку, и чтобы не пришлось пожинать проблемы.

Подобная строгая отповедь подействовала, но только на один сезон. В следующую весну, когда родители Коли вновь уехали на заработки, молодость и весна вскружили юным существам голову.

Приехав домой через два месяца, мать ничего не подозревая, занялась домашними делами и подготовкой к следующей поездке. Но по возвращении со следующей деревни, в которой они задержались дольше обычного, родители обнаружили батрачку на шестом месяце беременности. Для порядочной семьи это показалось трагедией! В доме разразился большой скандал! Маша и Коля вели себя как малыши – они спрятались, Коля в свою комнату, Маша в свою каморку, и с

замиранием ждали, что скажут родители. Отец хотел выгнать батрачку в тот же день, но жена остановила его. В уединенной родительской комнате, за закрытыми дверями решался вопрос детей, которые не задумываясь о последствиях, сами завели ребенка.

– Постой, что люди скажут? Как-никак – это все же наш ребенок...

– Эта пройдоха специально соблазнила Колю, чтобы остаться в нашем доме! – закричал рассерженный Дмитрий Егорович.

– Я тоже так думаю, ответила Василиса Николаевна, – но я предупредила ее, что этот вариант не пройдет. Она уйдет из нашего дома. Но мы не можем бросить нашего внука или внучку...

– Это ее ребенок! – кипя гневом, возразил Дмитрий Егорович.

– ...Но и наш тоже, – напомнила жена.

– Это не важно! – вспыхнул муж, – это ее ребенок и я не намерен принимать эту девку и ее ребенка в дом!

Маша плакала и просила прощения, но родители ее избанника были непреклонны – их единственному сыну и наследнику крепкого хозяйства нужна достойная жена из такой же достаточно состоятельной семьи. С первыми птицами Маша покинула дом, в котором прожила восемь лет своей жизни. Молодая женщина с болью оставляла в нем свои воспоминания о сытой жизни, свою первую любовь и мечту

попасть в более состоятельную семью. Уезжая в родильный дом, она была почти уверена, что не сможет вернуться обратно. Так и произошло, сразу после родов Маше сообщили, что она не может вернуться к Николаю. К ужасу женщины, из ее родных также никто не пришел, чтобы забрать ее из больницы. Она была в отчаянии и решила броситься в реку вместе с ребенком!

«Если мы с ребенком никому не нужны, значит, нам нечего делать на этой земле!» – решила молодая женщина. Она тихо подошла к грубым перилам моста и посмотрела вниз. Река тихо несла свои воды вдаль, отсвечивая последние отблески заката, маня и обещая покой. Но вдруг, словно тихий голос прозвучал в сознании: «Ты не должна этого делать! Не убивай дитя, позаботься о нем!». Маша вздрогнула и подняла глаза к востоку, на котором загорались первые звезды. Слезы отчаяния и боли текли по заплаканному лицу, но ноги казались теперь ватными. Теперь ей не хватало решимости сделать решающий шаг вниз, в воду, но и жить казалось тоже невыносимо! Постояв на мосту довольно много времени, Маша сделала шаг в сторону. Ребенок уже горько плакал, прося пищи. Дальше стоять на месте было невозможно, нужно было что-то делать, прыгать в воду или идти домой, и кормить ребенка.

«Ладно, спрыгнуть я могу и потом... она же не виновата в том, что все так случилось... – вздохнула Маша, глядя на дочь, – она просто хочет есть».

Маша медленно побрела в родной дом, где ее тоже не очень-то ждали, для нее там в лучшем случае найдется корка хлеба. Нужно было пытаться жить и думать, что же делать дальше? Придя домой, молодая женщина распеленала малышку, поменяла мокрую тряпицу, заменившую девочке пеленку и, завернув опять, приложила ее к груди. Девочка жадно припала к соску и, наконец, замолчала. Маша глядела на дочь, и крупные капли слез катились по ее щекам, она не представляла, что же делать дальше. В дом вошла всегда уставшая и раздраженная мать.

– Чего ревешь?! – жестко бросила она, – нагуляла, теперь живи как хочешь!

– Мама, прекрати! – в отчаянии закричала Маша, – Я хотела броситься в реку, да сил не хватило! Хорошо, я это сделаю, если ты так хочешь!

– Что ты мелешь? – испуганно перекрестилась мать, – не гневи Бога! Грех даже мне слушать такое, не то что тебе говорить!

– Так не доводи, ... я и так уже на мост ходила! – еще горче заплакала молодая женщина, уронив голову на грудь.

– Не смей даже говорить об этом! Я пойду к родственникам Дмитрия и Василисы, я заставлю их помочь внучке, ведь это их плоть и кровь! – запричитала испуганно пожилая женщина.

– Да, так они тебя и послушали! – горько усмехнулась сквозь слезы Маша.

По просьбе матери Маши собрали деревенский сход. Долго мусолили и решали, наконец присудили Василисе и Дмитрию отдать девушке корову и рубль денег, если они не хотят брать ее в дом, чтобы она сама могла вырастить ребенка.

— Нет уж! — воскликнул Дмитрий, — корову я не отдам! Мы сами вырастим этого ребенка! Пусть идет на все четыре стороны!

— Хорошо, — решил сход, — заберите ребенка, чтобы молодая мамаша могла найти себе работу и прокормиться.

Маша согласилась с решением схода и, оставив дочь, уехала из деревни. Женщина знала, что вновь ей придется наниматься в батраки, но ни одна семья их деревни не приняла бы ее в дом. Прошло время и приятная, миниатюрная молодая женщина нашла себе не только работу, но и мужа. Но внебрачный ребенок жены не интересовал нового мужа, и женщина не пришла за дочерью, и маленькая Яна осталась у бабушки с дедушкой.

Родители довольно быстро нашли Николаю жену из хорошей, обеспеченной семьи и сыграли свадьбу. Яной занималась бабушка, пока не пришло время отправляться на заработки. После чего ребенком занималась мачеха. Молодую жену Николая, Зою, не обрадовала необходимость следить за ребенком, и она старалась, как могла увиливать от этой неприятной для нее обязанности. Так прошло полтора года. За это время в молодой семье родился мальчик, и молодая мать теперь заботилась о двух детях. Но в один из дней оба

ребенка заболели корью – по деревням и городам шла эпидемия. Дети лежали в своих постельках с огромной температурой, покрытые красными пятнами. Новорожденный малыш через несколько дней умер. На похороны малыша вызвали стариков из дальней деревни. Они приехали всего на три дня, после чего вновь уехали делать свою работу.

Яна также не поднималась с постели. Через пять дней после отъезда стариков, глаза ребенка загноились, к концу недели один глаз лопнул и вытек. Это было угнетающее зрелище. Стариков решили не тревожить – они все равно ничем не смогут помочь Яне, только расстроятся. Да и путь неблизкий домой. Николай с Зоей написали письмо о продлившейся болезни Яны, не вдаваясь в подробности.

Зоя восприняла смерть сына как наказание за то, что не хотела заботиться о дочери своего мужа, пусть даже и внебрачной. И теперь она старалась возместить Яне недостаток внимания. В деревне не было врача, и поэтому к ребенку вызвали местного ветеринара. Тот осмотрел гноящиеся глаза Яны и деловито покачал головой.

– Случай тяжелый. Левый глаз уже никогда не будет видеть.

Николай, стоявший поодаль, язвительно усмехнулся.

– Да уж, как ни странно, я это тоже понял.

– Я дам вам капли, нужно закапывать их три раза в день, – продолжал ветеринар, не слыша насмешливой реплики.

– Хорошо, мы обязательно будем закапывать, – обещала

молодая женщина.

– А вы уверены, что эти капли помогут? Все же это глаз... к тому же единственный. Если эти капли повредят ей глаз – Яна ослепнет! – засомневался Николай.

– Как знаете, – обиделся ветеринар, – животным это помогает. А люди – это почти те же животные. Вы что, теорию Дарвина не знаете?

– Теорию Дарвина я знаю, но сомневаюсь, что животных и человека можно лечить одними и теми же лекарствами, – скривил губы Николай.

– Ну,... тогда лечите сами, – встал со стула ветеринар, – зачем вызывали, если не доверяете мне...

Николай замолчал. Он хотел сказать, что вызвали потому, что все равно больше некого вызывать, но решил, что и так уже «перегнул палку», а потому молча отошел в сторону. Зоя закапывала капли Яне в глаза три раза в день, как сказал ветеринар. Гной исчез, но на глазу появилось плотное бельмо, – Яна ослепла. Оправившись от болезни, Яна еще долго чувствовала себя слабой. Ей снова пришлось учиться ходить, так как ножки ребенка подкашивались и заплетались на каждом шагу. Девочка падала не только от слабости, но и от того, что натыкалась на мебель и другие предметы, поэтому Яна не любила ходить, предпочитая тихо сидеть в уголке, играя теми предметами, которые давали взрослые.

На удивление Яна росла улыбчивой и отзывчивой на красоту. Особый восторг у девочки вызывала музыка и цветы.

Она часами могла сидеть и «мурлыкать» под нос мелодию, которую выводил деревенский гармонист во время танцев на большой деревенской поляне, где вечерами собиралась молодежь. Днем ее не было слышно и видно, если у девочки в руках оказывался букетик цветов или когда Зоя усаживала ее на травку перед домом. И Зоя с удовольствием пользовалась подобной возможностью, сразу после завтрака расстелив коврик и усаживая Яну на травке перед окном.

Зоя занималась домашним хозяйством, лишь изредка поглядывая на Яну, чтобы та не уползала с коврика и не простудилась. Подходила иногда, чтобы посадить на горшок или покормить. Но бывало, что она совсем забывала о девочке и Яна сидела на траве в мокрых штанишках и голодная. В обед малышка не раз засыпала здесь же на траве, тогда совесть начинала тревожить Зою, что та забыла накормить ребенка и уложить ее спать.

К осени вернулись с заработков дедушка с бабушкой. Зоя работала в огороде и не заметила подкатившую к дому телегу. Николай был на работе, поэтому появление стариков осталось незамеченным.

Войдя в дом и увидев тихо сидящую в углу на подстилке Яну, перебирающую пальчиками небольшие кусочки тряпицы, Василиса Николаевна позвала ребенка:

– Яночка, здравствуй, подойди к бабушке! Мы, наконец, вернулись.

– Бабушка плисла, – отозвалась девочка и, протянув ру-

чонки вперед, встала и шагнула навстречу Василисе.

– Что с тобой? – не поняла Василиса Николаевна.

– Нитего, я плосто иглаю, – ответила Яна, подойдя нетвердыми шагами и прижавшись к коленям бабушки.

Василиса Николаевна стояла, широко раскрыв глаза. Она не могла поверить в то, что глаза не обманывают ее. Она даже не могла заставить себя взять ребенка на руки. Бабушка присела и поставила Яну перед собой. Яна протянула ручки и потрогала прохладные с улицы щеки Василисы Николаевны.

– Ты плиехала! – радостно прошептала малышка, глядя бабушку по щекам.

Затем она взяла руки бабушки в свои и осторожно погладила. Девочка училась воспринимать мир на ощупь, и теперь для нее стало самым важным ко всему прикоснуться руками.

В этот момент в дом вошел Дмитрий Егорович. Увидев лицо Яны, он выругался.

– Этого еще не хватало нам!

– А тево вам не хватало? – переспросила девочка.

Дмитрий Егорович промолчал. В этот момент в дом вошла Зоя. Василиса Николаевна повернулась к снохе всем корпусом.

– Зоя, что здесь произошло?!

– Мы вам писали, что у Яны глаза загноились. И вот что получилось после этого... – вздохнула Зоя.

– Вы лечили ее? – недоверчиво осведомилась бабушка.

– Я делала все, что сказал Роман Сидорович, – ответила Зоя.

– Ее лечил ветеринар?! – удивилась Василиса Николаевна.

– А где мы доктора возьмем? – Зоя готова была обидеться.

– Ладно, – примирительно добавила Василиса Николаевна, – это все равно уже не важно, как я посмотрю.

– Я ухаживаю за ней как могу. У нее все есть, она сыта и одета...

Зоя отчитывалась перед свекровью и свекром, зная, что ее работу будут тщательно проверять, так как новым родственникам не так легко было угодить. Увидев чистоту в доме, кастрюлю супа на плите, Василиса Николаевна успокоилась.

– Надеюсь, что все остальное у вас в порядке?

– Да, все в порядке, – ответила Зоя, пытаясь осторожно прикрыть округлившийся живот.

После смерти первенца Зоя стала очень суеверной и скрывала свою беременность от всех, боясь сглаза. Даже родителям мужа она не торопилась говорить о том, что вновь ждет ребенка. Зима прошла в относительном спокойствии. Яна на удивление росла проблемным ребенком, почти целый день она спокойно перебирала тряпицы и палочки в своем углу. Лишь изредка вставая, чтобы сходить на горшок или «осмотреть» комнату. Она была настолько спокойной и тихой, что ее нередко даже бабушка забывала покормить. Яна опережала в умственном развитии многих своих сверстников, к двум годам она уже чисто говорила. Прочитанный

стих запоминала со второго-третьего раза, довольно легко пересказывала самой себе в своем любимом уголке, простые сказки, которые иногда, длинными зимними вечерами рассказывала ей бабушка. На следующий сезон Василиса Николаевна не поехала на заработки, оставшись дома помогать снохе с грудным ребенком и слепой внучкой. К трем годам Яна была уже довольно самостоятельной, она кушала сама, сама ходила на горшок и очень редко мочила штанишки, заигравшись. К маленькому брату ее долго не подпускали, но потом заметили, что как только пальчики сводной сестры прикасаются к ручке или личику ребенка, малыш сразу успокаивается. Просыпаясь утром, Саша искал сестру глазами и радостно улыбался, едва завидев ее. Заметив это, родные иногда разрешали Яне успокаивать расплакавшегося малыша, запрещая, конечно, брать его на руки. Но девочка и не пыталась делать это.

И все же больной ребенок все больше тяготил семью. Прошлое быстро стирается в памяти, и Зоя забыла свое убеждение, что первенец ее умер в наказание за отвращение и плохой уход за падчерицей. Она все чаще вообще забывала о Яне, раздражаясь при малейшем проявлении с ее стороны признаков жизни. Ее раздражала необходимость кормить Яну и выносить ее горшок, раздражала ее осторожная походка, когда она проводила «свой ежедневный рейд» по дому, осторожно прикасаясь руками к предметам. Раздражали Зою и частые пересказы сказок. Но больше всего Зою вывело из

себя, когда Яна попробовала однажды назвать ее мамой.

– Я не твоя мама! – буквально крикнула она, – твоя непутевая мать бросила тебя здесь! И я должна кормить тебя!

Яна растеряннo стояла посреди комнаты и вдруг горько расплакалась. В этот момент в комнату вошла Василиса Николаевна. Она была в гневе!

– Этого ребенка кормишь не ты, а мы с Дмитрием! Тебе трудно лишний раз переодеть ей штаны или помыть руки! Не смей говорить ей, что ее бросила мать! Я забрала ребенка! Яночка, – ласково обратилась она к девочке, – тебя мама никогда не бросала. Просто я забрала тебя, потому, что у твоей мамы не было чем тебя кормить. Тебя никто не бросал! – закончила она, довольно жестко, так как в этот момент взглянула на сноху.

Зоя некоторое время молчала, все чаще не замечая Яну, но все же изредка она бросала девочке обидные реплики. Яна все чаще грустно задумывалась, забыв о палочках, которыми играла в своем углу. Ее утренние «рейды» по дому прекратились, так как Зоя не раз ругала ее за эти «обходы».

Василиса Николаевна видела, что происходит в доме. Она и сама все чаще мечтала избавиться от ребенка, твердя в сознании, что не должна заботиться о ней и «отвоевывать» ей место в доме. Тем более, что сын не проявлял никаких признаков отцовской любви к ребенку. Он вообще старался не замечать Яну, полностью сконцентрировавшись на своем сыне.

Приходя с работы, Николай брал сына на руки, разговаривал с ним и покачивал его. Яна радостно улыбалась, слушая ласковые слова отца, обращенные к ее любимому братцу, но после того, как отец укладывал малыша в колыбель, тень грусти ложилась на лицо девочки – о ней отец не вспомнил, не удостоил ее даже слова и уж тем более прикосновения.

Яна почти не знала отцовских рук, так как он не позволял их «осмотреть» пальцами. Девочка хорошо знала руки деда, который пытался компенсировать невнимательность сына и иногда возился с девочкой, позволяя ей ощупать не только руки, но и лицо, и плечи, поэтому Яна не слишком сильно страдала, восполняя потребность отцовской любви через деда. Но все же, подрастая, она все чаще грустила. Яна не научилась улыбаться, но ее всегда радостная улыбка сменилась грустной.

Глава 5

Годы бегут незаметно, Яне уже исполнилось пять лет, вся семья из деревни переехала в город, и Николай учился в военном училище. В Тюмени уже не было необходимости разъезжать в поисках заказов, город был немаленьким, и жителям требовалось больше портных, чем двое приехавших новичков. Василиса Николаевна и Дмитрий Егорович жили теперь на одном месте, получая заказы от жителей города. В один из дней у дома вдруг неожиданно появилась мать Яны. Никто не знал, как она нашла адрес. Возможно, кто-то из

бывших соседей сообщил. Василиса Николаевна, встретившая Машу у калитки, была удивлена произошедшей перемене. Теперь перед ней стояла не та девчушка, которую она вы- проводила из дома, Маша стала стройной, неплохо одетой, и довольно красивой женщиной.

– Я приехала за дочерью, – без лишних предисловий сообщила Маша, – я вышла замуж, у меня есть дом и все что нужно! Теперь я живу, может быть, лучше вас! И я хочу забрать свою дочь!

Маша явно давала понять, что она не нуждается теперь в имуществе того дома, где ее не захотели видеть в качестве снохи. Она добилась обеспеченной жизни и теперь откровенно демонстрировала это. Но Василисе Николаевне было не до демонстраций или зависти, она растерялась. Пожилая женщина не знала, как сообщить матери о том, что теперь ее дочь слепая...

– Понимаешь... – замялась пожилая женщина, – ...Яна больна...

– Я знаю, что она слепая! – жестко сообщила Маша, – вы не очень-то старались вылечить ее от кори! – добавила она язвительно.

– Не смей так разговаривать со мной! – вспылила Василиса Николаевна, – эпидемия была по всем деревням! Я потеряла шестимесячного внука во время этой эпидемии и не одна Яна осталась без зрения! Здесь, в городе, в больнице были и другие дети, оставшиеся без зрения, хотя их лечили

врачи! О болезни глаз Яны я даже не знала!

– Конечно, вы как всегда зарабатывали деньги, и вам было не до ребенка!

Добавила Маша, с явным намерением вылить всю горечь обиды на женщину, не пожелавшую стать ее свекровью и дать ей дом и семью, которую она могла бы дать. Раньше Маша не решалась, что-либо подобное говорить, так как боялась, что ее выгонят вместе с ребенком и тогда она не сможет найти работу и устроить семью. Теперь же, осмелев, она пыталась отомстить за все обиды и слезы, зная, что Василиса Николаевна не сможет уже обидеть ни ее, ни ее ребенка.

– Что же, ты теперь смелая стала, дерзкая.... – гордо и обиженно подняла голову Василиса Николаевна, – я не буду препятствовать тебе. Можешь забирать свою дочь. Но я не хочу видеть тебя больше никогда в своем доме.

– Не беспокойтесь, я и сейчас не войду в дом. Я остановилась у знакомых. А завтра утром обратный поезд. Мне нужна только моя дочь! Дайте мне ее свидетельство о рождении, чтобы я могла купить на нее билет.– Маша не собиралась уступать.

– Я не смогу собрать ее вещи за пять минут. Ты можешь сейчас увидеться с ней. Вещи я приготовлю к вечеру. А метрики я тебе отдам – можешь забирать,... – бросила Василиса Николаевна, резко развернувшись спиной к молодой женщине, направилась к дому.

Войдя в дом, бабушка посмотрела на внучку. Яна тихонь-

ко сидела на полу, на своей теплой подстилке, играя с куклой, которую недавно купила ей бабушка.

– Яна, приехала твоя мама. Она хочет забрать тебя к себе, – сообщила бабушка.

– Мама?!... – Яна подняла незрячее лицо к бабушке.

– Да, твоя мама, – подтвердила Василиса Николаевна.

– Она хочет забрать меня? – удивилась девочка.

– Да, она хочет забрать тебя насовсем, – еще раз подтвердила бабушка. Вы поедете далеко, на большом и громком паровозе, – объяснила Василиса Николаевна.

– А ляля тоже с нами поедет? – насторожилась Яна.

Маленький Сашенька стал для нее центром ее маленькой вселенной, и она не представляла себе утра без прикосновения к его теплым пальчикам.

– Нет, Сашенька и тетя Зоя останутся дома, – немного раздраженно ответила бабушка.

Яна вдруг расплакалась.

– Я не хочу ехать. Я хочу остаться с Сашенькой. Сашенька мой братик!

– Саша – мой сын, а не твой брат, – тихо, чтобы не услышала свекровь, прошептала Зоя, но Василиса Николаевна услышала.

– Зоя, тебе обязательно было это говорить? Ты не можешь сдержаться, чтобы не причинить боль ребенку! Бог накажет тебя за это! – резко бросила она.

– Бога нет! Ученые уже доказали это! – вызывающе, но с

некоторым страхом почти крикнула Зоя.

— Поэтому-то первый твой умер... за то, что ты ненавидела девочку, — уколола свекровь, — берегись, чтобы ты не навлекла на семью еще одну беду!

— Как вы можете так говорить?! — испугалась Зоя.

— А как ты можешь забывать об этом и навлекать новую беду на семью?! Ты знаешь, что нам нужен внук не меньше чем вам — сын! Даже если нет Бога — закон справедливости все равно есть!

Зоя не выдержав, выскочила на улицу, громко хлопнув дверью. Старый страх вновь подкатил к самому сердцу, ноги и руки похолодели. Инстинктивно она подхватила на руки Сашеньку, который лежал в самодельной коляске на свежем воздухе и мирно спал. От резкого движения ребенок испугался и громко заплакал. Мать, испугавшись еще больше, прижала его к себе, считая его плач плохим предзнаменованием. Люди, отвергающие истинного Бога, становятся особенно суеверными.

Василиса Николаевна, упрекнув сноху в плохом обращении со слепой падчерицей, сказала правду, хотя и не полную, ведь Зоя все же заботилась о Яне, пусть и не от сердца. Но она также выразила общепринятую ложь, что Бог может послать смерть невинному ребенку только за то, что его мать забыла поменять мокрые штаны у другого больного ребенка или вовремя накормить его. Зоя не принадлежала к числу жестоких людей, хотя и пыталась избежать лишних на

ее взгляд трудов. Она кормила и обстирывала Яну. Зоя не оставляла ее без пищи и одежды. Просто она делала это без любви и желания. И ее страх, и уверенность в том, что Бог отнял ее ребенка в наказание за мелкие грехи небрежения к своим обязанностям, вызывал обиду и гнев не только на себя, но и на Бога, наказавшего ее так строго за не слишком страшную вину.

Свекрови было легче найти причину смерти внука в неправильном поведении снохи, потому, что это избавляло ее от мысли о собственной вине перед Яной. Ведь она вместе с мужем не захотела принять ее мать в дом в качестве снохи. И даже после рождения Яны, пожалела отдать Маше корову и отпустить ее вместе с ребенком, тем самым дав малышке пропитание. Кроме того, оставив ребенка себе, Василиса Николаевна оставила малышку на попечении неопытной молодой снохи во время ее болезни, уехав вновь на заработки после похорон внука. Легче всего, осудив другого, забыть о своих неправильных действиях.

Обида и гнев на Бога немного стерлись в душе Зои после рождения Сашеньки, но в момент последней ссоры свекровь напомнила все мысли и чувства того времени, всколыхнув в душе молодой женщины также страх и ненависть к тому Богу, которого она считала повинным в своей боли. И сейчас она рванулась к сыну, в бессильной попытке защитить грудью своего маленького мальчика от неведомого, но страшного существа, готового убить малыша только за то, что она

– мать, пытается отвоевать право единственного владения этим ребенком. За то, что пытается не делить своего Сашеньку с этой слепой девчонкой, которая своим существованием каждый день напоминает о другой женщине бывшей в жизни ее мужа. Зоя знала, что не права, что девочка не виновата в грехе родителей, поэтому мужественно боролась с этим чувством, как могла. Просто бывали моменты, когда женщина терпела поражение и забывала дать ребенку необходимое, или говорила ей что-нибудь обидное, позже спохватываясь и пытаясь компенсировать свои срывы, иногда даже балуя Яну по мелочам.

Все эти чувства пронеслись в душе молодой женщины почти неосознанно. Она также не задумывалась, почему с такой жадностью впитывала атеизм, насаждаемый среди народа. Но за всеми этими стремлениями скрывалась мысль: «Если Бога нет – тогда не нужно ждать от мира справедливости и гармонии, а это значит, что с каждым простым человеком может случиться разное. И еще это означает, что не нужно нести бремя вины за смерть своего горячо любимого первенца». Боли матери, потерявшей ребенка, было более чем достаточно для Зои. Большого она просто не могла вынести, поэтому всей душой искала возможности сбросить непосильную ношу. Если нет Бога – жизнь придется принимать такой, как она есть, и пытаться выжить, несмотря на ее несправедливость.

Ссора, произошедшая в доме, была не первой и Яна при-

вычно виновато опустила голову, считая себя виновной в этих ссорах. Девочка была простым представителем человеческого рода, легко поддающегося ложному чувству вины. В душе каждого человека есть знание о своей виновности, но люди в детстве не знают, что это за вина, а повзрослев, в большинстве своем, не признают ее. Не задумываясь о том, что признание истиной виновности перед Богом лечит душу грешника, и избавляет его от множества ложных «вин», накапливаемых за жизнь, которые он придумывает себе, отягощая ими душу. Ведь тот, кто знает, что имеет врожденное заболевание, будет принимать необходимые лекарства вместе с пищей (как те, кто больны сахарным диабетом), и это продлевает их жизнь на земле. Также и человек, признав свою виновность перед Богом, свою тягу к греху, к уничтожению себя (через пороки), или себе подобных, понимает свою потребность в прощающей и очищающей любви Бога, встав на борьбу за полноценную жизнь своей души, учась любить людей, любить себя, как создание Бога, стремясь к совершенству и вечности.

Яна не знала и не думала, ни о чем подобном. Она лишь привычно приняла на себя новую долю вины за новый скандал взрослых, не понимая, что на самом деле, не она а их нерешенные проблемы явились причиной ссоры. Душа малышки и без того обремененная чувством несправедливости жизни, получила новую порцию тяжести и ложной вины, которую не могли вынести слабые плечи ребенка и Яна, также

привычно попыталась уйти от вопросов, которые не могла решить. Она вдруг вспомнила основную новость, порывисто встала и шагнула к двери.

– Где моя мама? – девочка протянула руки вперед, ища мать.

– Нет, она не здесь. Твоя мама ждет тебя во дворе. Я отведу тебя к ней, – бабушка взяла Яну за руку и повела во двор.

Дойдя до калитки, где стояла Маша, упорно не желавшая входить, бабушка обратилась к Яне:

– Твоя мама здесь!

Василиса Николаевна была взвинчена. Она раньше боялась бросить больного ребенка из страха возмездия от Бога, но и заботиться о ней тоже не очень хотела. Теперь ее освободили от этой необходимости, но слишком обидным способом и пожилая женщина чувствовала себя глубоко уязвленной. Маша несколько минут стояла в нерешительности, глядя как Яна, осторожно проводит руками перед собой, ища ее, затем шагнула к дочери, склонилась над ней и взяла на руки.

– Здравствуй, доченька! – сдавленным голосом произнесла она.

– Мама! – едва слышно прошептала Яна, обхватила ее шею и прижалась к щеке. – Мамочка, мама! – повторяла она слово, которое так хотела сказать, и которое ей было запрещено.

Бабушка была дорога Яне, потому что она заботилась о

ней, несмотря ни на что, но она тоже не разрешала звать ее мамой и малышка мечтала о том, что сможет произносить это слово, не слыша ни возражений, ни упреков в ответ.

– Доченька – вдруг расплакалась Маша, – моя доченька!

– Мама, мамулечка!

Яна гладила по щекам мать, вытирая с них капельки слез, затем она осторожно потрогала нос, глаза. Когда Маша прикоснулась своими руками к рукам дочери, та нежно «перешла» пальчиками на руки матери.

– У тебя такие мягкие руки! – прошептала Яна.

– Какие же они мягкие? – удивилась Маша, все шершавые.

– Нет, они такие теплые! Я так давно-давно хотела потрогать твои руки! – я очень люблю тебя! Я так скучала. Я знала, что ты не бросила меня, тетя Зоя обманула меня.

Маша хотела сказать в ответ, что она тоже любит свою дочь, но не смогла солгать, глядя на ее открытое лицо. Она прижала ее к себе и от души сказала.

– Я очень скучала по тебе, и часто думала о тебе, ты же моя кровиночка!

– Я твоя кровиночка? – Яна не совсем поняла смысл этой фразы, но она ясно поняла, что это что-то хорошее, – да, я – твоя кровиночка, ... и бабушкина... – подумав мгновение, добавила она.

– И бабушкина... – обречено вздохнув, добавила Маша.

Василиса Николаевна, услышав последнюю фразу Яны, была глубоко тронута ее словами. Пусть даже взрослые де-

ляли ей больно, но маленькая больная девочка была другой. Она помнит добро, которое бабушка для нее сделала!

Женщина даже прослезилась, но быстро смахнула слезы с глаз и ушла в дом. Она достала метрики Яны и вынесла их ее матери, затем начала складывать в сумку немногие Янины вещички, стараясь не давать себе отчета, с каким облегчением в душе провожает внучку в дорогу.

Маша проговорила с дочерью около полу часа, потом, обещав скоро вернуться, ушла на вокзал за обратным билетом. Ей пришлось отстоять длинную очередь, пока она смогла купить билет и Маша сильно устала.

Вернувшись после встречи с матерью, Яна долго сидела молча, затем, вспомнив о предстоящей разлуке, подошла к Сашеньке. Осторожно взяв его за ручку, она прошептала:

– Я буду очень скучать по тебе! Я очень тебя люблю!

Зоя стояла в стороне, напряженная как струна, но не мешала общению детей. Страх навлечь на себя беду вновь проснулся в женщине. Следующие несколько часов Яна почти не отходила от Сашиной кровати или от самодельной коляски, когда он «гулял» на улице. День был почти полетному теплым. Птицы пели на все голоса, но сердце маленькой девочки трепетало. С одной стороны она мечтала жить с мамой, с другой стороны боялась новых мест и особенно болезненно переживала разлуку с маленьким братиком – единственным человечком, который любил ее от всего сердца.

К вечеру мать не пришла и Яна очень разволновалась. Она

боялась, что мама исчезнет опять, также неожиданно, как появилась. Но рано утром Маша стояла у калитки. На стук вышла заспанная Зоя. Увидев соперницу, она демонстративно развернулась и, не сказав ни слова, вошла в дом. Закрыв за собой дверь, она обратилась к Яне:

– Твоя непутевая мать за тобой пришла!

– Мама пришла! – разволновалась Яна, не зная за что хвататься.

Бабушка ловко переодела девочку в выходное платье, взяла в руки сумочку с ее нехитрыми пожитками и любимой куклой и вышла к калитке. Поцеловав малышку на прощание, она сказала:

– Я не пойду на вокзал тебя провожать, пожелаю тебе здесь счастливого пути.

Дорога заняла всего шесть часов. В начале Яна была немного напугана грохотом колес и громким гудком локомотива, но в вагоне довольно быстро освоилась. На привокзальной площади мать купила небольшой букетик подснежников. Это были первые подснежники в этом году, и Маша решила порадовать себя после всех проблем. Но Яна, узнав о подснежниках, пришла в такой восторг, что Маша не выдержала и отдала их дочери, добавив:

– Это тебе!

– Мамочка! Они настоящие!?! – время от времени восклицала она.

– Да, они настоящие, – подтверждала Маша, – сейчас же

весна. Пока расцвели только подснежники, скоро будет много цветов.

– Спасибо! Большое спасибо! Конечно, они же пахнут! – добавляла Яна, словно убеждая кого-то в правдивости своего убеждения, – скоро будет много цветов?

– Да, скоро, – ответила мать.

– А там, где ты живешь, цветочки есть? – для малышки ответ на этот вопрос был очень важным, так как цветы оставались единственной знакомой радостью в ее новой жизни.

– Да, в деревне, где я теперь живу, тоже будут цветы. Нужно только подождать лета, – успокоила ее Маша, затем добавила, – цветы, которые там растут, очень хорошо пахнут и их там очень много.

– Правда?! – лицо Яны засветилось счастьем! Казалось, что она сейчас распахнет светящиеся счастьем глаза, но это было невозможно.

«Интересно, какие у нее были бы глаза? – вдруг подумала Маша, пристально глядя на дочь, – наверное, они были бы очень выразительные.... Она так восхищается любой мелочью! – затем она усмехнулась, – хотя, кто его знает? Если была бы зрячей, наверное, также не замечала бы все эти цветы, музыку, запахи и все остальное...»

Маша села в купе, полное других женщин, оставив Яну стоять у поручня. В дороге женщина рассказала попутчицам всю свою нелегкую судьбу. Женщины вздыхали и охали, жа-

лея Машу, но никто не вспомнил о маленькой слепой девочке, тихо стоящей у поручня, никто не пожалел и даже не усадил на сиденье. Яна стояла у поручня поезда, и под перестук колес грустно думала:

«Я не нужна никому... Даже мама думает, что я – ее наказание за «грех молодости»»

Эту фразу Маша не раз повторила во время рассказа, указывая при этом на незрячего ребенка, крепко держащегося за поручень. Яна не знала значения слов «грех молодости», но отчетливо поняла, что она – мамино наказание. Девочка не могла понять, зачем мать забрала ее у бабушки, если она является ее наказанием за грех? Мир взрослых такой непонятный! Она, Яна ни за что не хотела бы иметь при себе каждый день свое наказание, а мама, почему-то хотела... И даже подарила ей эти цветочки!

Маленькой девочке было неведомо стойкое чувство вины взрослых, которые ищут своего, понимают, что это плохо, но продолжают делать, пытаясь избежать плодов того, что посеяли. Но через время чувство вины заставляет таковых делать то, что правильно и они под давлением этого чувства, чтобы успокоить свою совесть, делают то, что должны делать.

Искренняя любовь могла бы избавить их от чувства вины и дать не только сил, но и радости в том, чтобы делать все правильно и избежать чувства вины, но таковые не хотят проходить этот путь до конца, получив награду и радость в своем труде. Они останавливаются посередине, разрываясь

на части и жалея себя. Роль жертвы несправедливой жизни для них более привлекательна, чем роль зрелого человека, понимающего и принимающего правду жизни, ответственность и привилегии права на свободный выбор жизненного пути.

Оказавшись дочерью незрелой и эгоистичной женщины, Яна оказалась в трудном положении. Она не могла выбирать свою судьбу сейчас, пока была еще так мала, и в душе ребенка все глубже оседало убеждение, что она – бремя, наказание... и еще кое-что, чего она еще не знает. Но в любом случае – она не нужна никому на этой земле...

Но, даже у этого маленького человечка был свой выбор – обозлиться и обидеться на вес белый свет, которому она оказалась не нужной, или искать счастья. Яна не понимала всей сложности этих вопросов, но душой она выбрала второе – поиск настоящего счастья. Малышке так хотелось жить! Хотелось прикоснуться к цветочкам и травке, вдыхать их запах, сейчас напоминающий запах весенней земли. И хотелось быть счастливой, пусть даже и не потому, что ее любят, а вопреки всему. Она стояла, и время от времени осторожно подносила маленький букетик подснежников к лицу, вдыхая его запах. В эти мгновения вся ее вселенная, вся мечта о счастье и радости, вместилась в этот крошечный, уже увядающий букет. Все окружение отвергало ее, но маленький, такой же одинокий в этом мире букетик, отдавал для нее все, на что был способен в последние минуты своей ко-

роткой жизни. И Яна от всей души оценила это, впитав чутким сердечком мудрость жизни, преподанную ей маленьким букетом первых подснежников.

До деревни мать с дочерью добрались уже в сумерках. Цветы уже давно завяли, но Яна не выпускала букетик из рук и мать не стала отнимать у нее, рассчитывая, что пообещает поставить их в воду дома, а сама выбросит. Дети быстро забывают все. Так что проблем не должно быть.

Уставшие, они легли спать очень рано, но от перевозбуждения Яна долго не могла уснуть. В жизни девочки начался новый этап. Утром она попросила дать ей цветочки, но мать сообщила, что они завяли, и она выбросила их. Яна вдруг горько расплакалась. Она не могла объяснить матери, как много эти цветы значили для нее на новом месте, где она никому не нужна!... И слезы были единственным способом излить свое большое горе маленького человека, совершенно незнакомое практичному взрослому. Мать отругала дочь за напрасные слезы и повела ее к умывальнику. Когда Маша начала умывать дочь, та очень удивилась:

– Я сама умею... – она повернула лицо к матери, – ты только покажи где умывальник.

– Что ж, одной проблемой меньше, – облегченно вздохнула Маша, может ты, и суп кушаешь сама?

– Конечно сама, – чуть не рассмеялась Яна. – Я же кушала в поезде.

– То была варенная картошка и яйца. А суп труднее самой

есть, – объяснила свою мысль Маша.

– Я суп давно кушаю сама, – успокоила Яна мать.

– Тогда с тобой будет проще, – закончила Маша и отошла от умывальника, – я покажу тебе дорогу от кровати к умывальнику и к столу, – добавила она после секундной паузы.

– А можно я посмотрю дом? – поинтересовалась Яна.

– Как ты можешь посмотреть? – не поняла Маша.

– Ну... руками потрогать... – уточнила девочка.

– Хорошо, «посмотри». – Она хотела добавить, чтобы Яна ничего не уронила, но тут же сама себя успокоила, – Сережа все равно все на себя тянет, когда бродит по дому.

Напрасно Яна переживала о том, что не сможет больше играть с маленьким Сашей, что не будет нужна никому – в новом доме ее ожидал другой братик – Сережа. Он был чуть старше Саши, и уже в первое утро жизни на новом месте, девочка поняла, что нашла друга. С ним Яне было даже интереснее играть. Довольно скоро дети очень привязались друг к другу.

Мать сказала правду, в деревне где жила теперь Яна, рядом с деревней простирался большой луг с множеством цветов. Как только солнце согрело землю, цветы показались из земли навстречу теплу и свету. Даже на огороде, по краям картофельного поля росли цветы. Мать показала дочери дорогу к полевым цветам. И теперь у девочки был свой собственный маленький луг. Яна каждое утро уходила на

край огорода, чтобы понюхать цветочки, «осмотреть» руками каждый лепесток, «знакомясь» с каждым новым цветком, появившемся на ее маленьком лугу.

Наступило лето, Яна была удивлена и счастлива. Такого количества и разнообразия цветов она не знала за всю свою маленькую жизнь! Кроме полевых цветов, в палисаднике расцвели розы, посаженные матерью. И теперь по утрам, еще до завтрака, Яна осторожными шагами торопилась к кустам роз, чтобы ощупать каждый бутончик и понять, насколько распустились лепестки. Вечером Яна также не ложилась спать, не потрогав бутоны, всякий раз радостно сообщая матери.

– Мам, близкая розочка уже один лепесток показала!

Мать понимала, что на бутоне, расположившемся у самого крыльца, показался первый лепесток. Сообщение о состоянии бутонов роз ей приходилось выслушивать два-три раза в день. Теперь для того, чтобы знать, когда распустятся розы – Маше не обязательно было видеть их.

Иногда Маша брала дочь с собой в магазин. По дороге Яна расспрашивала о солнце, о полях и лугах, которые их окружали. Заслышав песню синички, Яна спрашивала:

– Мам, это кто поет?

– Синичка, отвечала мать.

– А как она выглядит? – спрашивала девочка.

– Тебе это зачем? – недоумевала в начале мать.

– Чтобы представить себе ее, – отвечала малышка, и мать

рассказывала все о птичке. Любознательность Яны была бес-
предельной, и поэтому Маша все реже сообщала дочери, ко-
гда она пойдет в магазин.

Глава 6

Новый Машин муж не был в восторге от больного ребен-
ка, поселившегося в их доме, но не сильно возражал. Воспи-
танный в практичной украинской семье, он считал «харчи»,
потраченные на этого ребенка – бесполезной тратой. Что мо-
жет вернуть родителям девочка, да еще и больная? При вся-
ком удобном случае он вспоминал историю о крестьянине,
описавшем бюджет своей семьи.

«Однажды в деревню ехал мужик, по дороге он согласился
подвезти путника. Во время долгого путешествия, мужчины
разговорились.

– Большое ли у тебя хозяйство? – спросил путник кре-
стьянина.

– Немалое, – важно ответил тот.

– А как ты распоряжаешься урожаем и прибылью? – вновь
спросил путник.

– Одной частью дохода отдаю долги, вторую часть – отдаю
в долг, а третью часть на ветер выбрасываю, – ответил кре-
стьянин.

– Прости, я не понял тебя? Как объяснить твои слова? –
удивился путник.

– Первой частью дохода я кормлю своих родителей, кото-

рые вырастили и воспитали меня, вторую часть дохода я отдаю на то, чтобы кормить и воспитывать сыновей, которые будут кормить меня в старости. А третья часть моего дохода уходит на воспитание, одежду и пищу для дочерей – это деньги, выброшенные на ветер, – закончил крестьянин»

Когда Степан рассказал эту историю в первый раз, Маша попыталась возразить, что дочери тоже помогают в домашней работе и не такие уж бесполезные. На что Степан жестко ответил:

– Молчи женщина, что ты понимаешь!

Больше Маша не перечила мужу, так как побаивалась его упрямого, крутого нрава, но обида на мужчину, считающего женщину бесполезным балластом, глубоко засела в душе женщины. И впоследствии она, на протяжении многих лет, при случае, напоминала мужу о роли женщины в те моменты, когда он не смог бы обойтись без женщины. На что муж огрызался:

– Куда от баб денешься! Если бы мог сам родить сына – не женился бы вообще! Жрать готовить я и сам научился бы! От вас только проблемы одни!

На что Маша обижалась еще больше. Слепую дочь жены Степан воспринял как неизбежное зло, иногда ворчал, но не выгонял. Чуткая Яна быстро поняла, что отчиму лучше не попадаться – так будет спокойнее. И поэтому она не вставала с кровати, пока он не уходил на работу.

Прошло два года. Яна почти забыла о своей жизни у ба-

бушки и дедушки, но в доме матери она не стала родной. Маша все больше тяготилась необходимостью заботиться о дочери. Нередко в доме возникали ссоры, когда Степан укорял жену за средства, потраченные на одежду и пищу для Яны. В один из весенних дней в гости приехала сестра Степана. Увидев больного ребенка, она жестко бросила:

– Зачем вам нужна эта слепая?! У вас что, своих детей нет? Сережа есть, и еще будут! Да я уж вижу, что недолго ждать осталось – она бросила взгляд на округлившийся живот Маши.

Поздно вечером, когда дети уже спали, в доме состоялся серьезный разговор. Через неделю Маша повезла дочь к бабушке, сестра Степана решила «помочь» снохе, предложив посидеть с Сережей, пока та отвезет Яну.

– Пусть они теперь кормят ее, – резюмировала она.

Мать не взяла ни одной вещи Яны из дома. Из старых вещей Яна выросла, а новые все были у Степана на счету, и если отдать их Яне с собой – будет скандал. Маша предпочла спокойствие в доме – благополучию больного ребенка. Она отвезла ее в Тюмень, положив свидетельство о рождении в карман старенького платица, и посадила на травку недалеко от дома Василисы и Дмитрия. Никто не заметил ее, никто не спросил причину ее желания избавиться от ребенка.

Усадив дочь на траву, Маша быстрыми шагами направилась к вокзалу. Но через мгновение вернулась, развязала большой платок, которым была укутана девочка, сняла его и

забрала с собой, почти бегом направляясь к вокзалу.

Яна осторожно перебирала молодую травку, которая составляла ее понятие природы, нежные пахучие сибирские ромашки, тихо улыбаясь своим мечтам, в которые она все чаще убегала в последнее время. Она придумала маленьких мягких и тонких человечков, похожих на траву, которые жили в траве и всякий раз протягивали ей свои ладошки, здороваясь с ней. Сейчас она «здоровалась» с зелеными человечками Тюмени, которых она покинула два года назад. Яна помнила их запах, их мелкие лепестки. В деревне, где она прожила последние годы, цветы были другими. И теперь она радовалась старым знакомым, и они радовались ее появлению и поздравляли с возвращением. Девочка знала, что никто больше не будет рад ее приезду, только эти милые и добрые человечки, которых она сама себе выдумала.

Птицы пели на все голоса свои радостные песни. Приближалось лето, вся природа Сибири радовалась короткому лету, стараясь успеть прожить полную жизнь за короткий срок. Воздух был напоен ожиданием счастья и приятных перемен, и Яна всеми силами пыталась слушать эту песню счастья и ожидания добра, иначе она боялась просто захлебнуться в своем горе маленького беспомощного человечка, ставшего лишним для родной матери и не нужным больше никому.

Девочка всей душой молилась неведомому существу, прося о помощи в своей безвыходной ситуации. После того, как родная мать отняла последний теплый и мягкий платок, де-

вочка не могла быть уверенной, что сидит у дома своих родных. Мать могла просто бросить ее...

Василиса Николаевна вышла во двор и вдруг увидела Яну, тихо сидящую на траве перед калиткой с грустно опущенной головой.

– Здравствуй, Яночка, как ты сюда попала?! – удивилась она.

– Меня мама привезла, – тихо ответила Яна.

– А где мама? – поинтересовалась Василиса Николаевна.

– Она уехала домой, – ответила девочка.

– Как уехала?! – не поняла женщина. – Она привезла тебя нам и уехала? А если бы нас не оказалось дома?

– Не знаю... – пожала плечами Яна.

– Ну что же ты раздетая сидишь здесь? Замерзла же совсем! А где твои вещи?

– Не знаю, – вновь загрустила девочка. – Мама даже платок теплый с меня сняла. Он был такой мягкий!

– Что за человек! – возмутилась Василиса Николаевна, – надо же до такого бессердечия дойти в своей расчетливости! Вот что значит «из грязи в князи»! А твою куклу она тоже себе оставила?

– Ее Сережа, маленький братик, поломал, уже давно. Мама обещала купить мне другую... – ответила Яна.

– Все понятно... а обещание должна выполнять бабушка, – проворчала Василиса Николаевна.

– Нет, бабушка, ты не должна выполнять обещание. Про-

сто дядя Степан не разрешил маме купить мне куклу, — объяснила Яна с тяжелым сердцем, — он так кричал, когда мама сказала, что купит мне другую куклу! И я сама сказала, что мне не нужна кукла, я могу с цветочками и с травкой поиграть.

Чем больше понимала девочка, тем тяжелее ей было осознавать, что она — ненужный груз на шее родственников, мячик, который они перебрасывают друг другу, даже не спрашивая, хочет ли принять тот, кому его бросают. Одно она знала точно. Здесь ее накормят и оденут, несмотря на недовольство и ропот. Бабушка и дедушка лучше всех людей на земле относились к ней, несмотря на то, что не радовались факту ее существования. А самое главное, что мать не бросила ее где-нибудь среди чужих людей!

Когда Николай, к тому времени уже окончивший военное училище и работающий в военной части в Тюмени, вернулся с работы, он услышал тихую песню из комнаты.

— Кто это поет? — не понял он.

— Это Яна, — ответила Василиса Николаевна, — ее мать привезла и бросила здесь. Она как всегда, все поет и улыбается...

— Да уж... — только и произнес Николай.

Яна осталась жить в доме отца и мачехи, но нужной она себя не ощутила и здесь. И все же ее терпели и не выгоняли, а значит, у девочки была крыша над головой и пища.

Сашенька уже подрос и начинал говорить. Они очень

быстро вновь стали хорошими друзьями. За это время в доме появился еще один мальчик, – Дениска. Он был еще совсем маленьким и почти весь день спал. Яна и Саша с удовольствием играли, часами болтая о чем-то и занимаясь с игрушками. Яна рассказывала так много историй и сказок брату, что взрослым приходилось только удивляться, где она слышит и запоминает их, если не может читать?

Только в подвижные игры Яне было трудно играть. Единственная подвижная игра, в которой Яна была на равных с Сашей – была борьба. Во время борьбы Яна с удовольствием позволяла себя побороть, и Саша был в полном восторге от одержанных побед над старшей сестрой. Иногда дети ссорились, но очень быстро мирились, так как не представляли уже жизни друг без друга. Для них общение было намного важнее личных амбиций. Но для взрослых все было иначе. Между родителями и детьми росла пропасть. Они все чаще напоминали посторонних людей, живущих под одной крышей.

Прошел год, Яна не ходила в школу, так как никто из родственников не знал, существуют ли школы для незрячих детей. Однажды Саша рассмешил всю семью, но одновременно заставил всех задуматься. Дети несколько минут назад боролись на полу, и Яна в этот раз не была настроена уступать. Она ловко положила брата на лопатки:

– Я поборола тебя! – победоносно заявила она.

– А я все равно тебя победю, когда выласту, – упрямо

крикнул Саша, не желая сдаваться, — я когда вырасту, буду много учиться и стану академиком, а ты не сможешь стать академичкой, потому, что ты не ходишь в школу! — торжественно закончил он.

Никто не знал, откуда он узнал, кто такой академик, но все вспомнили о том, что Яна остается без образования, имея хорошую память и хваткий ум. После этого Василиса Николаевна стала расспрашивать друзей и знакомых, существуют ли школы для незрячих? В один из вечеров в дом пришел гость — начальник Николая, полковник. Увидев Яну, тихо стоящую у косяка двери он спросил:

— А что у вас с девочкой?

— Она у нас темная⁵, — ответила Василиса Николаевна.

— А почему вы не отдадите девочку в школу, — спросил гость.

— Мы не знаем, где такие школы, — вздохнула бабушка, — я спрашивала, в Тюмени такой школы нет.

— Но есть в Омске, — ответил полковник, — там есть школа-интернат для слепых и слабовидящих. Дети там учатся читать, писать по специальной азбуке Брайля. Он придумал буквы какие-то выпуклые, чтобы пальцами можно было читать.

— Надо же! — обрадовалась Василиса, затем радостно продолжила уже на всю комнату, — послушайте! Оказывается есть интернат для темных в Омске!

— А что за интернат? — заинтересовались домочадцы.

Полковник в красках расписал какой это хороший интернат.

– Там хорошо кормят, обучают. Дети могут играть с такими же как они, друзей завести. Что вы ее дома держите?! Кстати, здесь тоже есть небольшой интернат, но в Омске образование намного лучше. Если вы хотите сделать девочке добро – соберите бумаги и подайте прошение в Омск, а я со своей стороны походатайствую, чтобы она попала именно в тот, хороший интернат.

– Да мы просто не знали, где искать такую школу, – радостно сообщил Николай, а так бы еще в прошлом году в школу отдали как всех нормальных детей!

В этот же вечер было решено собирать документы на интернат. Василиса Николаевна довольно скоро собрала все нужные справки, явно торопясь определить внучку куда-нибудь, и Яне пришло время покидать родной дом. Этот дом был действительно ее родным домом, в котором девочка выросла, пусть и нежеланным ребенком.

Бабушка отвезла Яну в Омск, передав «с рук на руки» врачам и преподавателям. Это был последний раз, когда Яна ее видела. Но не только бабушка, – никто из родных не появился больше в жизни девочки. Ее определили, освободив свою совесть от угрызений и с удовольствием забыли о ее существовании.

Когда человек делает доброе дело не по любви, по чувству долга или из страха перед наказанием, это нельзя на-

звать полноценным добрым делом. Но еще хуже бывает, если человек, избавившись от чувства долга или от страха, не делает добра совсем... Несмотря на свою боль отверженного и никому не нужного ребенка, Яне все же повезло, что в ее жизни были люди, позаботившиеся о ней из-за страха перед наказанием судьбы или Бога...

Войдя в незнакомое здание, Яна привычно сжалась, стараясь занять как можно меньше места. Она боялась натолкнуться на мебель, углы, косяки дверей. Бабушка, передав документы и подписав бумаги, попрощалась и ушла. Врач и воспитательница, принявшие ребенка, были внимательны и вежливы, и это немного успокаивало Яну. Осмотрев ребенка и ее бумаги, воспитательница, которая назвалась Любовью Вячеславовной, повела Яну в комнату, в которую ее определили. Ступая по длинному коридору, Яна все больше робела. Кто будет жить с ней в одной комнате, не будут ли ее обижать? Все говорят, что она слишком мала ростом для своего возраста, не найдется ли того, кто может ее обидеть или ударить? Гулко отдающиеся шаги в пустом коридоре не располагали к приятным ожиданиям.

Войдя в комнату, воспитательница объявила:

– Вот ваша новенькая, о которой я вам рассказывала. Ее зовут Яной. Прошу любить и жаловать! – затем она с улыбкой обратилась к Яне, – если тебя будут обижать, скажи мне. Я всегда рядом! Вместе с тобой в комнате будет жить еще пять девочек. Знакомься, общайся. Будем надеяться, что ты

найдешь здесь себе друзей.

– Спасибо, – растерялась Яна.

Она стояла посреди незнакомого пространства, зная, что где-то там, впереди есть девочки, примерно ее возраста, как обещала ей воспитательница с нежными и добрыми руками.

Яна давно судила о людях только по звучанию голоса и по их рукам. Среди ее родственников, и уж тем более среди знакомых очень мало было людей, чье лицо и волосы она могла «осмотреть» руками, поэтому основную часть информации о человеке девочка могла получить, прикоснувшись к его рукам. Руки этой женщины внушали ей доверие. Они были теплыми, мягкими и осторожными. Девочке казалось, что человек с такими руками, не может намеренно сделать больно. И все-таки воспитательница не будет в комнате постоянно, скоро она уйдет и Яна останется с незнакомыми девочками одна. Вдруг здесь окажутся злые девочки? Или они могут не принять ее потому, что она приехала издалека?

Сердце маленькой девочки сжималось от страха, и она плотнее прижалась к теплой руке, державшей ее маленькую руку.

– Не бойся, Яна, здесь все девочки хорошие и добрые, – обратилась воспитательница к Яне, затем подняла голову и посмотрела на девочек, – Правда, девчонки?

– Правда, у нас все спокойные в комнате, – подтвердила Таня, одна из домашних девочек, – а ты будешь здесь совсем жить, или на каникулы домой поедешь? – спросила она.

– Таня, подожди, ты слишком торопишься и задаешь слишком личные вопросы! – строго сказала Любовь Вячеславовна.

– Простите, – покраснела Таня.

– Ты не передо мной должна извиняться, а перед Яной, – напомнила воспитательница.

– Зачем извиняться? – удивилась Яна, – я могу ответить на вопросы. Я не знаю, если мой папа и бабушка с дедушкой приедут за мной, тогда я поеду на каникулы. Я сама не смогу поехать.

– Да уж, – усмехнулась Юля, – даже я не могу поехать сама, хоть я и больше тебя.

Любовь Вячеславовна тем временем провела Яну к ее постели, показала тумбочку, в которые Яна может складывать свои вещи, и девочка осторожно села на свою новую постель. Кровать жалобно скрипнула и Яна провалилась довольно глубоко в продавленную сетку кровати. Девочка испугалась, вскрикнула и вскочила. Она не привыкла к сетчатым мягким кроватям. В их доме кровати были сделаны из дерева, и сверху лежал матрац. Такие кровати были довольно жесткими, и Яна привыкла спать на жестком. Здесь же, напротив, кровать была слишком мягкой. Любовь Вячеславовна удивилась испугу Яны.

– Что с тобой?! – добрая женщина участливо взяла ее за руку, – чего ты испугалась?

– Я упала! – ответила Яна.

– Нет, ты не упала. Просто у нас старые кровати, и у них слишком растянуты сетки. Дети нередко прыгали на них, вот сетки и растянулись. Сейчас в стране трудное время, поэтому не обещаю тебе ничего лучшего. Придется тебе привыкать к такой кровати.

– Хорошо, – ответила Яна и еще раз попробовала сесть на кровать, на этот раз очень медленно.

Второй раз оказался более удачным. Усевшись, девочка положила руки на колени и затихла. Ее жизнь вновь кардинально изменилась, и к этому надо было привыкать. Знакомство и общение оказалось не таким сложным делом, как предполагала Яна. Уже через несколько дней она весело болтала со своими новыми подружками, расспрашивая о школе, о том, как незрячих можно научить читать? Ей раньше все говорили, что незрячие не могут учиться в школе, потому что буквы и цифры можно видеть только глазами. После услышанного разговора взрослых дома, Яна сгорала от любопытства, желая узнать буквы и научиться читать. Раньше, бывало, отец говорил:

– Ребенку явно скучно дома, особенно зимой. Если бы можно было научить ее читать – тогда ей было бы занятие... и она могла бы намного больше знать...

Теперь же Яна ждала времени, когда сможет читать и занять свободные часы после обеда. Это время было самым скучным в дне. Когда Яна была совсем мала, ее укладывали спать после обеда. Сейчас же ей совсем не хотелось спать

днем, но ее заставляли лежать. В это время книжка была бы самым хорошим занятием...

Уже на следующий день Яна пошла в класс вместе с девочками из своей комнаты. Учительницу впечатлительная девочка слушала с замиранием сердца, когда та рассказала о многих интересных вещах, которые можно узнать из книг. В первый же год пребывания в интернате, дети научились читать по специальному букварю. Яна полюбила книги, нередко она часами засиживалась за книгами, и это дало свой результат. Она довольно быстро стала читать легко и бегло.

Расстраивалась девочка лишь от того, что для незрячих не так много книг печатают. В свободное время Света и Варя вязали поделки макраме, Юля предпочитала вязать спицами. В начале у подруг получалось плохо, но шло время и неуклюжие узелки, стали складываться в руках девочек в приятные узоры. Во время работы подруги увлеченно болтали, обмениваясь впечатлениями или рассказывая друг другу различные истории. За год Варя научилась вязать довольно красивые вещицы. Даже сумела закончить свою первую большую вещь – кашпо для цветка с креплением на потолке. Воспитатель предложила повесить цветок в холле, и теперь девочка с гордостью ухаживала сама за цветком в ее кашпо. Яна также подключилась к их кружку рукоделия – одна из преподавателей научила ее шить коврики из лоскутков ткани. Света связала шарфик и с гордостью носила его, а Яна сшила себе небольшой коврик и положила его около своей

кровати. Но времени для рукоделия у детей оставалось не так много и поэтому навыки, полученные в школе, пригодились не сразу.

Жизнь в интернате текла своим чередом. Дети учились, отдыхали, занимались в различных кружках. Варя предпочитала рукоделие, но для Яны это занятие не приносило большой радости. Она с большим желанием ждала занятий хора. Яна готова была петь в хоре целый день! Монотонную жизнь интерната иногда скрашивали праздники, когда на обед подавали что-нибудь вкусное и преподаватели организовывали выставки работ кружка рукоделия, концерт местного хора и выступления музыкантов.

На эти концерты иногда приезжали родители тех, кто считался «домашними», если они жили недалеко. В основном же дети развлекали друг друга. Для Яны жизнь интерната показалась очень интересной и насыщенной. Ее дни дома тянулись очень медленно, здесь же они летели стрелой, занятые почти до минуты. Лишь иногда по вечерам и на каникулах Яна скучала по бабушке и дедушке, вспоминала Сашеньку и Сережу. Но эти воспоминания постепенно стирались, так как сознание ребенка, защищаясь от боли, заполнялось событиями текущих дней, вытесняя тяжелый груз осознания своей ненужности родным и близким.

В один из первых дней каникул, когда Яна поняла, что ее никто не заберет домой на каникулы, и тихонько плакала, скучая по родным, к ней подошла воспитательница.

– Почему у тебя глаза на мокром месте, малышка? – тихо спросила она.

– Почему все такие злые и несправедливые?! – разрыдалась Яна, – я так старалась делать моей маме как можно лучше, старалась помогать и с Сережей играть. А она все равно выбросила меня и бабушка с дедушкой тоже!

– Жизнь несправедлива. Ты всегда будешь страдать, если будешь ждать от нее справедливости, – вздохнула воспитательница, – Но есть законы, на которых жизнь строится. Если ты будешь знать их и стараться соблюдать, тогда возможно, сможешь даже стать счастливой. Научись искать счастье независимо от несправедливости жизни, и ты его найдешь. Может быть, тебе сейчас это трудно понять, но позже ты поймешь меня.

– Я уже сейчас поняла – как-то слишком по-взрослому, грустно ответила Яна. Дети, испытавшие страдания нередко взрослеют намного быстрее, чем их избалованные сверстники. – Я постараюсь быть счастливой все равно! Ну и что, что я всем не нужна, я все равно буду счастливой! – словно бросая жизни вызов, выпрямилась девочка.

С этого времени Яна стала реже плакать, пытаясь во всем найти поводы для радости. Ее труд отличался переменчивостью успеха, хотя со временем все чаще у нее получалось «отвоевать» свои минуты радости в каждом дне. А ведь именно из этих мгновений и состоит ощущение счастья человека на земле...

Жизнь интерната шла своим чередом, заполненная событиями. Но некоторым ребятам эта жизнь казалась скучной. Один из «домашних» ребят, Артем, очень бойкий и не умеющий сидеть на месте, потерял зрение от взрыва самодельной бомбы всего немногим больше года назад, никак не мог научиться читать. Артем был довольно рослым и сильным мальчиком. Он жил раньше в поселке и после школы каждый день работал на ферме, помогая отцу – скотоводу. Его пальцы, огрубевшие от физической работы, плохо различали выбитые точки на плотной бумаге. Мальчик всякий раз путал их расположение и очень расстраивался по этому поводу. Но после уроков он был самым заводным во всем интернате – ни минуты не сидел на месте, всякий раз не только сам попадая в различные авантюры, но и втягивая других. Артем не был злым по натуре, и его проказы никогда не приносили реального вреда окружающим, они всегда были озорными, веселыми и достаточно безобидными, хотя иногда он «перегибал палку».

По всем предметам Артем успевал, но азбука Брайля давалась ему с большим трудом. Артем умел писать ручкой наугад, по прежней привычке. Но после года полной потери зрения, он иногда сомневался, правильно ли написано то, что он «вслепую» написал.

В один из дней Артем подошел к Юле.

– Мне сказали, что ты первый класс закончила в обычной школе? – начал он

– Да, – ответила Юля.

– Читать умеешь? – немного с вызовом продолжал Артем.

– Я умела, но сейчас почти ничего не вижу, – Юля не могла понять, куда клонит мальчик. Она немного побаивалась крупного и дерзкого мальчика.

– Что здесь написано? – он протянул довольно большой лист бумаги.

Юля приблизила лист к самому лицу и медленно вслух прочитала текст: «Ничего хорошего из тебя не выйдет». Лицо и голос девочки к концу короткого текста стали совсем грустными.

– Здесь все понятно написано?

– Да, все понятно... – Юля готова была расплакаться.

– Ладно, не напрягайся, салага, это не для тебя надпись, – успокоил ее Артем.

– А-а-а, я думала это про меня... – протянула Юля.

– Если ты умеешь молчать – тогда из тебя будет толк, – добавил мальчик.

Затем он подумал немного, и поднес сжатый кулак к самому лицу Юли, едва не ударив в подбородок. Девочка невольно отшатнулась.

– А если кому-нибудь проболтаешься – школу ты здесь не закончишь, я прибую тебя! – угрожающе зашипел он, скорее запугивая на всякий случай, чем реально угрожая. Но Юля испугалась.

На следующее утро в интернате разразился скандал. Ди-

ректор – женщина с полным отсутствием чувства юмора, бегала по школе и кричала. Заходя в каждый класс, она всем задавала один и тот же вопрос?

– Кто повесил этот лист бумаги в учительском туалете?!

Незрячие дети не могли понять, чего от них добиваются, так как не могли видеть ни надписи, ни самого листа. Учителя беззвучно прыскали от смеха, как только директор выходила из класса, надеясь, что дети все равно не увидят их смеха, или не догадаются о его причине. Ведь слабовидящие не могли прочесть надпись издалека. Главное, чтобы никто из учеников не догадался доложить о том, что учителя смеялись над директором! Учителя представляли лист бумаги, с которым директор носилась по школе, перед лицом директора, когда она с утра зашла справить нужду. «Ничего хорошего из тебя не выйдет!». У большинства учителей подобная надпись вызвала бы смех, но не у директора!

– Скорее это сделали слабовидящие! – решила директор, – незрячий не сможет написать! – кричала она, – Кроме того буквы большие и корявые!

Когда директор выскочила из класса, где занимались девочки, Юля, не задумавшись, что может выдать свое знание о проделке, вдруг спросила:

– А почему директриса так рассердилась? Это про нее написали, что из нее ничего хорошего не выйдет?

– Ты видела надпись? – немного испугалась учительница.

– Да, – честно призналась Юля, – я смогла прочитать, я

же училась в обычной школе раньше.

– Неужели это ты ее написала? – Поразились преподаватель.

– Конечно, нет!!

Юля удивленно посмотрела на преподавателя и та вдруг поняла, что этот ребенок действительно не мог такого сделать. Чтобы не смущать малышку совсем, учительница решила перевести разговор и поэтому ответила на заданный вопрос.

– Ну... понимаешь, – попыталась объяснить учительница, немного удивившись, что слабовидящая девочка сумела прочесть надпись, пусть даже с первой парты, – эта надпись висела в туалете, там из всех людей выходит только плохое... – попыталась она объяснить, едва сдерживая смех.

– А почему директриса стесняется того, что она какает? – с серьезным лицом спросила Юля.

– Понимаешь, люди не только в туалете выдают нечто нехорошее, но и в обычной жизни. Почему-то делать они не стыдятся, а говорить об этом – стыдятся, – преподаватель старалась сохранить невозмутимое лицо.

– А разве какать – это плохо? – удивилась Юля, вконец смутив преподавателя.

– Ладно, не будем больше продолжать обсуждение – прервала она девочку, – совсем покраснев от беззвучного смеха, после чего выскочила из кабинета, чтобы успокоиться в коридоре и с серьезным лицом войти в класс, хотя слабови-

дящих было не так уж много...

Так и не найдя виновного, директриса назначила наказание всем слабовидящим – лишив их полдника в этот день. Только одна девочка знала виновника переполоха, но она боялась даже рот открыть, терпеливо перенося наказание. И все же для Юли это наказание не было тяжелым – подружки дали ей каждая по кусочку своей булочки, и в конечном итоге она съела больше всех их.

Глава 7

22 июня 1941 года по радио объявили о начале войны. Немецкая армия напала на Советский Союз. Взрослые в интернате только об этом и говорили. Дети не много понимали в войне, но очень скоро и они почувствовали на себе, что значит это слово. Несмотря на то, что интернат для слепых и слабовидящих детей находился на особом счету у государства, довольно скоро и их коснулись нехватки провизии и людей, многие из которых ушли на фронт. Ушла медсестрой на фронт и Любовь Вячеславовна. Яна долго скучала по этой доброй женщине. Никто не знал, осталась она в живых или погибла, – но в интернат воспитательница не вернулась. Больше Яна никогда не видела ее, но ту атмосферу, которую создала Любовь Вячеславовна девочки пытались сохранять в комнате, и их дружба лишь крепла с годами. Посеянное воспитательницей доброе семя в душах девочек, дало свои хорошие плоды.

Жизнь в школе шла своим чередом, дети учились и занимались дополнительными делами на протяжении учебного года. На каникулах все «домашники» разъезжались по домам, а тех, за кем не приехали родные, от интерната отправляли в деревню на отдых. Для брошенных детей арендовали пустую школу, ставили им раскладушки и они жили в пустующих во время каникул школах. Не многие взрослые соглашались проводить летние лагеря, боясь ответственности, но каждое лето «интернатские» жили в деревне на берегу Иртыша. Это было счастливое время для детей. Почти целыми днями они плескались в речке, играли на песке, подставляя свои тела ясному солнышку. И только в пасмурные дни было немного скучно. Но и для этих случаев у воспитателей были подготовлены книги, которые они читали для детей вслух, также брали с собой немного книг для слепых, чтобы давать тем, кто желал читать самостоятельно.

В летние лагеря дети брали свои «поделки», а иногда даже брали с собой баян, так как один из старших мальчиков играл на баяне. Дети с удовольствием пели вечерами, скрашивая время после ужина перед сном. Когда звучала команда «отбой», подросшие дети засыпали не сразу, иногда часами болтая между собой. Мальчики любили рассказы о героических поступках друзей или приключенческие истории, которые они слышали от других. Также мальчики любили различные страшные истории, которые они рассказывали друг другу, а чаще всех – Артем, который потерял зрение недав-

но и поэтому в его жизни было больше различных приключений. Кроме того, Артем был «бедовым парнем», постоянно ищущим приключений и в его истории верили, какими бы фантастическими они ни казались. Только об одном приключении Артем молчал – о взрыве той самодельной бомбы, которая отняла его глаза.

Девочкам же все чаще нравились романтические истории. Они были такими же, как все девчонки, мечтающими о любви и романтике, хотели завести семью и быть любимыми. Вечерами они рассказывали друг другу свои приключения, мечты и представления о своей будущей жизни.

Девочки уже начинали оформляться, и каждый признак взрослости вызывал радость и гордость. Они рассказывали друг другу о реальных и воображаемых переменах в организме и внешности, мечтая быстрее повзрослеть.

Возвращались дети из летнего лагеря закаленными и загорелыми как негритята. «Домашники» приезжали с каникул светленькими, так как вынуждены были целыми днями сидеть дома, ведь родители были на работе весь день. Те, у кого были братья или сестры, имели общение днем, остальные же просто ждали вечера.

«Интернатские» дети успокаивали себя теми преимуществами, которые получали взамен семьи, пытаясь скрыть боль и тоску по родным, которые были так нужны им. Но самая большая беда этих детей заключалась в том, что они не нужны были своим родителям.... Человек устает жить в

постоянной тоске, и потому «интернатские» с удовольствием верили словам воспитателей, что потеряли немного, лишившись семьи, ведь взамен они получили свободу, речку и много солнца. Дети, приехавшие из дома, действительно от души завидовали тем, кто на лето уезжал в деревню, но когда вновь стоял выбор между лагерем и домом – они выбирали дом.

Год за годом пробежали восемь лет. Каждой из девочек нужно было подумать о дальнейшей судьбе, так как в Омске интернат был только до восьмого класса. Варя, Яна Света и Юля, которые прежде мечтали держаться вместе, после школы разделились. Юля решила пойти работать сразу после школы. Ее взяли на завод, который находился при обществе незрячих, ученицей. Остальные девочки написали заявление, что хотят продолжить образование до одиннадцатого класса. В обычной школе дети учились десять лет, но для незрячих эта программа была растянута еще на год, учитывая сложность чтения. Юля, пройдя курс обучения, стала работать на станке по производству железных крышек для банок. Прошло всего два года, и она вышла замуж за парня, который был почти на пять лет старше Юли и был полностью незрячим.

В это время три подруги заканчивали школу в Казахстане, куда они попали по распределению. Они жили в таком же интернате и готовились к поступлению в институт.

Юля, мечтательная девочка верила, что ее жених предложил ей руку и сердце потому, что любит ее, но уже спустя месяц после свадьбы девушка узнала, что он женился на ней только потому, что она видит хотя бы немного и может водить его туда, куда ему нужно. Когда через пол года после ее свадьбы, Юля вызвала девочек на переговоры, они пришли все вместе на почту, где стоял междугородний телефон. Первой трубку взяла Варя. После первых слов приветствия, Юля вдруг расплакалась.

– Варь, представляешь, он сказал, что я раздражала его с момента нашего знакомства и что я никогда, ни капельки не нравилась ему! – плакала Юля у телефонной трубки.

– А зачем же ты замуж выходила? – удивилась Варя.

– Он соврал, что любит меня! – еще горче заплакала Юля, – а я, дура, поверила!... А он почти в первую неделю накричал на меня когда я отказалась вести его в бар..., а потом даже ударил!

– Не плачь, бросай все и приезжай сюда. Поступишь в техникум, у тебя же восьмилетка закончена, – попыталась успокоить ее подруга.

– Нет... я не могу!... – Юля помялась, затем выдавила, – у меня будет ребенок. Кому я нужна, слабовидящая к тому же с ребенком...

– Так быстро?!... – удивилась Варя.

– Дурное дело нехитрое, – вздохнула Юля. – У меня уже четвертый месяц...

– Что же... – вздохнула Варя, я не знаю даже, что тебе сказать?

– Не нужно ничего говорить... просто давайте поболтаем, о чем угодно. Я так хотела услышать ваши голоса, чтобы вспомнить, что хоть кто-то ко мне хорошо относится... – всхлипнула Юля.

Яна потянула трубку из рук Вари, так охотно отдала, потому, что была смущена тем, что не может помочь подруге в ее горе.

– Юлька, – чуть не закричала в трубку Яна, – не слушай его – ты самая лучшая девчонка! Он просто недостойн тебя, раз не оценил! А самое главное, у тебя есть что-то почему я от всей души завидую тебе!

– И что же это? – удивленно спросила Юля.

– Твой ребенок! Ты не представляешь, как я завидую тебе! Это же человечек, который будет только твоим и больше ничьим! И он будет любить тебя! Плевать на все, что болтает твой муж! Для твоего ребенка ты всегда будешь самой лучшей, у тебя есть теперь кого любить! – тараторила Яна.

Варя стояла рядом и удивлялась, как много слов утешения и ободрения находится у подруги. Конечно, кое-что было преувеличением, но сейчас это было неважно, ведь в основном эти слова были верными и они несли утешение в трудную минуту. Варя улыбнулась и вспомнила фразу одного еврейского раввина, которую недавно встретила в какой-то книжке: «Когда мы просим у Бога помощи, Он посы-

лает к нам людей». Девушка была воспитана в атеистическом обществе, но с фразой раввина была согласна, в жизни так важно бывает получить вовремя поддержку от друзей.

– Спасибо, подруга, – растрогалась Юля, – я и вправду была о том, что это мой человечек. Я просто так испугалась всех проблем, связанных с ребенком, что забыла, что это будет мой малыш!...

В это время Света потянула трубку на себя.

– Юля, мы с тобой! Если будет совсем плохо, мы постараемся помочь всем, чем сможем! Мы же подруги! – напомнила она.

– Спасибо, девчонки! Даже жить захотелось! Я не смогу часто звонить, дорого очень получается, но я всегда помню о вас и очень люблю вас, – успела проговорить Юля и связь оборвалась.

Юля смогла оплатить всего три минуты разговора, но эти три минуты общения с теми, кто любил ее, дали ей заряд бодрости и радости на несколько месяцев. Как много значит в жизни людей доброе слово, произнесенное вовремя!

Юля не решалась уйти от своего мужа, испугавшись одна воспитывать ребенка. Иногда ей приходилось терпеть унижения, но всегда – безразличие от мужа. Но когда родилась дочь – Юля вспомнила все слова Яны – это действительно казалось чудом – маленький человечек, которому она – мать, очень нужна! Юля трогала крохотные пальчики девочки и тихо шептала ласковые слова, она была счастлива, что у нее

есть дочь!

Прошло пять лет, и Юля все же разошлась с мужем, так как он стал заставлять жену водить его к женщинам легкого поведения. Такого выдержать она уже не могла. Дочь Юли давно уже ходила в садик, Юля работала. Через время она получила квартиру как мать-одиночка. Больше Юля не решилась выходить замуж, испугавшись за судьбу своей малышки, которая на счастье родилась зрячей, ведь никто не мог предсказать, как будет обращаться с ребенком другой мужчина. Вся жизнь Юли теперь сконцентрировалась на дочери.

В новой школе Яна познакомилась с пареньком, его звали Алмат. Он вырос в казахском ауле, и потерял зрение еще до школы, после тархомы. Возможно, существовал способ и лекарства вылечить мальчика без потери зрения, но не в отдаленном казахском ауле. Родственники также забыли о нем, стоило им определить его в интернат. Внешне казалось, что Алмата не очень тревожит факт, что за все годы учебы в интернате, родители не посетили его и не взяли на побывку домой. Он был деятельным и решительным мальчиком, участвовал в многих мероприятиях интерната, прекрасно играл на баяне. Алмат имел неплохие организаторские способности, дети тянулись к нему, потому что мальчик мог организовать не только игру, но и выполнение работы, порученной воспитателем.

Яна познакомилась с ним почти сразу по прибытии в новый интернат. В один из первых дней, она зашла в актовый зал, где старшеклассники готовились к открытию нового учебного года. Как и во всех школах, в интернате власти требовали проведения торжественной линейки с участием школьников. Учителя должны были подготовить программу и выступление талантливых детей. Все «домашние» находились по домам, наслаждаясь последними днями летних каникул. Поэтому учителя предложили готовить программу тем, кто был в интернате.

Алмат сидел на стуле, легко выводя сложную мелодию на баяне. На сцене стояли четверо девочек – пятиклассниц. Они нескладно выводили знакомую мелодию. Яна вошла в актовый зал и тихонько запела. Баянист остановился и повернул лицо к двери.

– Кто там?

– Я – новенькая, – ответила Яна, – мы с подругами приехали четыре дня назад.

– У тебя неплохой голос, – улыбнулся Алмат, – и песню ты, похоже, знаешь. Наверное, ты пела в хоре?

– Да, я участвовала в хоре у нас, в Томске, – просто ответила Яна.

– И петь любишь, слышу, – улыбнулся паренек, – Ты не могла бы помочь девочкам?

– С удовольствием... но мне кажется, по голосам, что они младше меня?... – засомневалась Яна.

– Ты права, они младше. Но тебе же не обязательно выступать с ними, просто помоги им выучить песню. А выступать ты можешь с нашим хором, если захочешь. Кстати, сколько тебе лет?

– Шестнадцать скоро, а тебе?

– Мне семнадцатый пошел, – важно заявил Алмат, стараясь показаться старше. Он не хотел сообщать, что восемнадцатый пошел ему только в прошлом месяце.

Яна с удовольствием спела с младшими девочками несколько раз, пока те не начали петь уверенно. Голос у нее был сильный с большим диапазоном звучания. Она с легкостью брала высокие ноты и они звучали объемно и чисто. Но обычно Яна предпочитала петь вторым голосом. Когда она исполняла сольные песни, то пела низким бархатным альтом. Через много лет ее записи некоторые непрофессионалы путали с певицей Жанной Бичевской.

После репетиции Алмат и Яна познакомились ближе, узнали кто в какой комнате живет. Это знакомство стало началом многолетней дружбы.

Придя в комнату, Яна рассказала подругам о своем знакомстве.

– А ты по Брайлю с ним познакомилась – игриво поинтересовалась Света.

– Ты смеешься что-ли?! – рассмеялась Яна, – представляю картину: не успели узнать имена друг друга и сразу: «Можно ли с вами по Брайлю познакомиться? Дайте я потрогаю ваши

руки и лицо?»

– Ну, не только руки и лицо... можно узнать и телосложение, и рост... Вдруг он маленький как карлик, – смеясь продолжала фантазировать Света.

– Спасибо, рост его я и по голосу могу узнать, – парировала Яна.

– А как же ты по голосу могла узнать, если вы сидели оба? – Не унималась подруга.

– Очень просто, он потом, после репетиции встал. Тогда я и поняла, что он среднего роста, – немного устало ответила Яна, – да и вообще, ну чего ты ко мне пристала? Хочешь познакомиться с кем-нибудь из ребят «по Брайлю», знакомься сама!

– Ну чего ты, правда к ней пристала? – вступилась за подругу Варя, – хочешь с кем-нибудь познакомиться, иди тоже на репетицию!

– Обязательно пойду! – заверила Света, – а ты, как будто бы не хочешь ни с кем знакомиться?

– Нет, только не отсюда. Я устала от своей незрячести. Я не хочу себе незрячего парня! – резко ответила Варя.

– Высоко ты замахнулась... не пришлось бы плакать! – усмехнулась Света.

– А что, те, кто замахиваются низко, меньше плачут что ли? – обиделась Варя, – посмотри вокруг, из наших немало тех, кто женятся по необходимости, а потом скандалят и разводятся..., я не хочу так! Я хочу настоящей, красивой люб-

ви, а не по необходимости!

– Ладно, не кипятись, – пошла на «попятую» Света, – я просто не хочу, чтобы моя подруга была несчастлива. Если у тебя получится – я буду за тебя рада!

– Ладно, ты извини, что так вспылила, – извинилась Вара, – на следующую репетицию я с вами пойду, – примири-тельно добавила она, – только не думай, что я буду с пацанами знакомиться... – добавила она.

В следующий раз пришли на репетицию вместе. Алмат все также играл на баяне, но в этот день готовили свои номера старшеклассники. Во время репетиции ребята познакомились между собой и по окончании уже общались как старые знакомые.

Глава 8

Школьные годы мелькали незаметно. Девочки быстро привыкли на новом месте, помогали друг другу в учебе, завели новых друзей. Яна и Алмат много времени проводили вместе. После занятий они нередко стояли на лестничной площадке у перил и подолгу разговаривали. Ребята делились своими впечатлениями дня, своими переживаниями и секретами. Всякий раз уходя с площадки радостными и просветленными. Одна из преподавателей как-то не выдержала и спросила у Яны.

– Странная у вас любовь, как я посмотрю. Неужели вас не тянет друг к другу?

– Почему странная? – не поняла Яна, – нам хорошо общаться...

– А ты разве не хотела бы, чтобы он поцеловал тебя? – усмехнулась преподаватель.

– Нет, мне хватает наших разговоров, – спокойно ответила Яна, – может быть я еще не готова к другим отношениям... Нам учиться надо, а не целоваться. Вы же сами говорите, что мы должны пробиваться сами в жизни!

– Да, ты права, но мне странно все это... – немного смутилась преподаватель. Она учила детей, но не верила в то, что ее слова можно понимать буквально, хотя понимала, что для этих детей действительно любая ошибка может стать роковой.

Для Алмата выпускной наступил на год раньше, чем у Яны и ее подруг. Незадолго до выпускных экзаменов, по всей стране прокатилась радостная весть – закончилась война! Все праздновали и поздравляли друг друга! Но еще не скоро и не все участники войны вернулись домой. К ужасу многих, всякого, кто побывал в плену у немцев, отправляли в лагерь для заключенных, как опасного элемента. После ужасов плена, люди попадали нередко в еще худшие условия сталинских лагерей.

Дети не задумывались о том, почему не все отцы и матери вернулись с войны, так как у них все равно не было никого, кто позаботился бы о них. Они были благодарны руководителю страны, каким бы он ни был, и стране, которая не оста-

вила их на улице и дала возможность получить образование и специальность.

После выпускных экзаменов Алмат подал документы в университет на исторический факультет. Его не хотели принимать, боясь, что он не будет успевать наравне со зрячими, но директор интерната сходила в деканат, после чего Алмат был допущен до экзамена на общих основаниях. Он хорошо сдал экзамен и был зачислен в университет.

Яна немного скучала по своему другу, но он довольно быстро объявился, позвонив на вахту, и в субботу после занятий они уже вновь гуляли по аллее ближайшего сквера. Под пенье птиц и шелест листвы Алмат рассказывал о всех происшествиях в своей новой жизни.

– Мне так обидно бывает, из-за моей незрячести они считают, что у меня и мозги не варят! Я никогда еще не чувствовал себя таким ущербным, как в этом универе! – возмущался Алмат.

– Но это же не новость для тебя, – напомнила Яна, – это всегда так, стоит выйти за двери интерната...

– Да, почти все зрячие думают, что они из-за своих глаз умнее стали... – Алмат вздохнул, – но когда с этим встречаешься раз у неделю или в месяц, где-нибудь в автобусе или на базаре, это одно. Но когда тебе об этом напоминают каждый день по три-четыре раза – это совсем другое!

– Я согласна! – подтвердила Яна, – это трудно. Но потерпи, может быть, твои однокурсники привыкнут к тебе и пе-

рестанут унижать тебя. Я уверена, что ты способный парень!

– Спасибо за поддержку, – улыбнулся Алмат, – я тоже надеюсь, что они привыкнут ко мне и перестанут постоянно «тыкать» мне на мою незрячесть!

– А может быть, ты сам так воспринимаешь? – поинтересовалась Яна.

– Ты поймешь меня на следующий год! – уверенно произнес парень.

Яна замолчала. Она не была уверена ни в чем. На следующий год она тоже хотела поступать и очень волновалась по этому поводу. Молодые люди медленно шли по аллее, осторожно потрагивая асфальт тросточками. Осень уже прикоснулась своими прохладными пальцами к листве на верхушках деревьев, окрасив их в разноцветные тона. Большая часть листвы все еще оставалась зеленой, но с верхушек они уже осыпались, предвещая раннюю зиму. Яна и Алмат не видели игры красок на листве, но слышали тихий шорох осыпающейся листвы, вдыхали запах осени и легкую грусть ее прохладного воздуха. Отсутствие зрения они пытались восполнить чуткостью слуха, обоняния, осязания и более развитой интуицией. Именно эти качества открывали для них едва уловимые веяния времен года, которые так часто пропускают зрячие, пробегая по жизни в извечной суете.

Прозрачная тишина аллеи, шорох опадающих редких листьев и их шелест под ногами умиротворяли и успокаивали души молодых людей. Они неспешно шагали по тихой ал-

лее, не представляя, какую необычную и трогательную картину представляет собой их осенняя прогулка. Имея в жизни мало тепла и заботы до их встречи, Алмат и Яна понимали, какой ценностью обладают! – Два человека, готовые поддерживать друг друга в трудных обстоятельствах, ободрить и утешить. В жизни бывает нелегко найти товарищей для простого общения, но человека, способного разделить с тобой и радость и печаль найти еще труднее. И молодые люди дорожили этим общением.

После поступления Алмата в университет, друзья не могли видеться каждый день, только в иногда субботу и воскресенье. Поэтому их необычные свидания, которые трудно было назвать любовными, задерживались иногда по несколько часов.

Закончился для девушек последний учебный год в интернате, и после сдачи выпускных экзаменов Яна и Варя поехали в Ленинград, поступать в институт. Света решила остаться в Казахстане, и тоже подать документы в институт. Получив направление, Варя с Яной купили билет на поезд и отправились в далекий Ленинград с пересадкой в Москве.

Поезд шел медленно, долго простаивая на каждой станции, и к концу пути девушки были измотаны долгим путешествием. Продукты были уже на исходе, когда, наконец, показались первые высотные здания Москвы. Незрячим девушкам было все равно, какие дома есть в столице, но их немного испугала густая толпа людей на вокзале.

До Ленинграда девушки добрались совершенно измученными. Они еще никогда не ездили так далеко! Город был еще сильно разрушен после блокады, но улицы постепенно очищали от обломков и асфальтировали, поэтому незрячим людям нужно было особенно осторожно передвигаться по улицам незнакомого города, где часто встречались ремонтируемые участки.

Подав документы на подготовительный курс в Ленинградский педагогический институт, девушки получили место в общежитии по требованию общества слепых вместе с тремя другими девушками – ленинградками, две из которых были слабовидящими. Но уже через две недели Яна поняла, что не сможет жить в Ленинграде. У нее постоянно болела голова, появился тяжелый кашель, который не собирался прекращаться. Но девушка решила терпеть хотя бы для того, чтобы прослушать курс подготовительных лекций, чтобы затем использовать знания для поступления в институт в городе, где закончила школу.

Во время короткой учебы девушки познакомились с несколькими абитуриентами, проходящими вместе с ними подготовительный курс. После всех пережитых бед, многие ленинградцы стали мягче и человечнее. Но встречались и ожесточенные, озлобленные одиночки, не доверяющие никому, хотя таковых было немного. Девушки узнали об обычае, который остался во многих ленинградских семьях на многие годы после блокады – ставить на стол дополнитель-

ный столовый прибор на случай, если кто-то придет голодным к обеду или к ужину. Яне нравились люди, которых она узнала здесь, но климат совершенно ей не подошел.

В один из дней Яна немного грустно сообщила подруге:

– Варь, я наверное, вернусь домой.

– Домой?! – не поняла Варя.

– Ну не домой, а в интернат... – исправилась Яна.

– Могу тебя огорчить – тебя там вряд ли кто-нибудь ждет... – вздохнула Варя, – также как и меня.

– Но здесь мне так плохо! Я так устала от этих головных болей и от этого кашля! – вздохнула Яна, – я понимаю, что там не будут очень рады моему появлению, но я хочу в этом году поступить в институт там. Тогда у меня будет общежитие. А прокормиться... как-нибудь прокормлюсь. Все-таки пенсия, хоть и маленькая. Я еще коврики могу шить... впрочем, какая разница, здесь или там? К тому же я скучаю по Алматы.

– А деньги на проезд? – подняла бровь Варя.

– Найду. Я сэкономлю с тех, которые получила в этом месяце... – ответила Яна.

– Вижу, подруга, что ты уже решила окончательно, – погрустнела Варя, – значит я одна остаюсь?

– Ты можешь поехать назад со мной, – предложила Яна.

– Нет, я не для того сюда ехала, чтобы возвращаться! – твердо ответила Варя, – мне местный климат не мешает! Мы вместе мечтали об этом институте и я хочу его закончить.

– Тогда нам придется попрощаться, – вздохнула Яна, – я вернусь сразу, как только закончится подготовительный курс.

Едва дождавшись окончания курса, Яна вынуждена была покинуть Ленинград, Варя же осталась и поступила в институт. Но, даже расставшись, девушки остались подругами на всю жизнь. Долгие годы близкого ежедневного общения, сходство болезни, отнявшей их зрение, и многое другое связало девушек общим прошлым и общими мечтами. Каждая из них мечтала прожить полную жизнь, не смотря на свой недуг, получить образование, полюбить и завести семью, трудиться и быть полезной окружающим. И эта общая цель при всей разности характеров, сближала их.

Но в их отношениях иногда просматривалась конкуренция, и это было скорее со стороны Вари. Она не могла понять, как Яна может сохранять способность радоваться мелочам, быть счастливой и часто смеяться. Ведь она, Варя, почти потеряла эту детскую способность. Варя сравнивала свою жизнь с бурной и своенравной рекой, которая бросает ее из стороны в сторону, а жизнь Яны представлялась ей тихой и чистой рекой, которая открывает Яне наперед каждый свой поворот и изгиб. Это была иллюзия, так как Варя никогда не спрашивала Яну о том, что она ощущает, ведь внешность так обманчива! Правда была в одном – у Яны мягче складывались отношения с людьми, так как она сама была мягче.

Яна старалась быть полезной и сильной, старалась не те-

рять надежды, не смотря ни на что. Она улыбалась даже тогда, когда на сердце лежал груз тоски и одиночества. В глубине души она была уверена, что она никому до конца не нужна. Что все окружающие принимают ее и тянутся к ней просто потому, что она делает для них добро. Стоит ей прекратить оказывать окружающим различные услуги – и она станет ненужной им всем. И это чувство не было лишено основания. Ни один человек не способен любить безусловно сам по себе. Только великий Бог любви может дать эту способность тому, кто непрестанно пребывает в Его любви. Стоит человеку остаться самому, вне Бога, и эта чудесная способность любить безусловно, вновь исчезает как дым.

Если бы Яна понимала это – ей не было бы больно от мысли о несовершенстве любви окружающих. Но она не знала и не думала об этом и ждала, очень ждала настоящей любви, которая не выдвигает условий для того, чтобы любить, а любит просто потому, что не умеет иначе...

Варя также мечтала о настоящей любви. Она была такой же как ее подруга, друзья, знакомые и миллионы других людей, которые хотят безусловной любви, жаждут ее как воды в жару, но не способны дать ее сами. Человеческая любовь всегда условна!

Глава 9

Яна вернулась «домой» перед самыми вступительными экзаменами. Буквально с поезда она поехала в институт, сда-

вать документы. Девушка, принимающая документы недоуменно отодвинулась.

– Простите, вы по какому поводу? – удивленно спросила она, не прикасаясь к аккуратной папке бумаг.

– Как это? – не поняла Яна, – документы здесь принимают?

– Да... здесь... – девушка была в полном замешательстве, на вопросы она отвечала очень громко, словно перед ней стояла глухая – Я не могу принять ваши документы.... разве вы можете учиться?

Яну покорило.

– Девушка, простите, я не глухая и не тупая, я просто слепая! – четко выговаривая каждую букву, произнесла она, – и я прошу вас принять мои документы! Я уверена, что они в порядке!

– Да, простите, – стушевалась девушка, но я... – она снова замялась, затем соскочила со стула, – я сейчас, – бросила она, исчезая в кабинете преподавателя.

Через пять минут она вышла из кабинета и куда-то ушла. Яна терпеливо сидела на месте, вспоминая Алмата и его рассказ. Теперь она поняла, что при таком отношении забыть свой недуг, как это бывало в школе, просто невозможно! Яна сидела у пустого стола не меньше пятнадцати минут, пока, наконец, к столу не подошел пожилой мужчина.

– Не могли бы вы пройти со мной, – вежливо попросил он.

– Да, хорошо, куда я должна идти? – поднялась Яна, не

выпуская из рук папки бумаг.

Мужчина провел девушку к заведующей отделением. Войдя в кабинет, мужчина сказал:

– Мы по поводу этой девушки с вами разговаривали.

– Хорошо, входите, – пригласила женщина, – как вас зовут?

– Яна – девушка потянула руку в сторону, откуда слышала голос.

– Елизавета Федоровна, – представилась женщина и осторожно пожала протянутую руку, словно она была из чего-то способного рассыпаться при первом прикосновении, – вы хотели бы учиться в нашем институте?

– Да, а разве это запрещено? – немного с вызовом ответила Яна.

– Ну что вы сразу так? – примирительным тоном произнесла женщина.

– Почему тогда мои документы не принимают? Ваша девушка даже оценки мои не посмотрела!

Женщина также была в замешательстве. Она не знала, как реагировать.

– Понимаете, – начала она, – до этого времени у нас не было подобных прецедентов...

– Как это? – не поняла Яна, – моя подруга подала документы в ваш институт. Она тоже незрячая.

– Мне ни о чем подобном не сообщали, – озадаченно сдвинула брови Елизавета Федоровна.

– Но, в любом случае,... – спохватилась Яна, – даже если Света не сдала документы, хотя я это выясню сегодня, я все равно хочу учиться. Мой друг учится в университете второй год из нашего же общества! И я только что вернулась из Ленинграда, мы с подругой занимались на подготовительных курсах и нас допустили заниматься потому, что мы набрали нужное количество баллов! – в девушке проснулась решимость отчаяния.

– Почему же вы не остались в Ленинграде? – поинтересовалась женщина.

– Потому, что мне климат не подошел, – ответила Яна уже готовая расплакаться от обиды и унижения.

Елизавета Федоровна задумалась, затем ответила:

– Я соглашусь принять ваши документы, но с одним условием. Вы понимаете, что у вас нет достаточного количества книг, учебников и пособий, чтобы могли учиться такие как вы. А в нашей библиотеке таких книг нет вообще, поэтому вы должны сами изыскивать возможности, чтобы вовремя быть готовыми к зачетам. У нас в институте не принимают ответы: «не знал», «нет учебника» и прочее. Ваш испытательный срок – первый курс!

– Спасибо! – обрадовалась Яна. – Я все сделаю. Вы не пожалеете!

– Вы что-то говорили о вашей подруге? – напомнила заведующая отделением.

– Понимаете, я сейчас только с вокзала. Я думала, что по-

друга уже месяц назад сдала документы... но я ее еще не видела.

– Если она сдала их, и кто-то принял, не сообщив о ее проблеме, то испытательный срок ее касается в той же мере, что и вас! – строго сказала Елизавета Федоровна, затем добавила – если вы сдадите устные вступительные экзамены.

– Хорошо! Я передам! – обрадовано улыбнулась Яна и попрощалась.

Вернувшись к девушке, Яна положила на стол документы:

– Елизавета Федоровна сказала, чтобы вы приняли! – торжественно заявила она.

– Хорошо, – скупой ответила та и начала записывать данные в журнал.

Вернувшись в интернат, Яна узнала, что ее уже вычеркнули из списка проживающих.

– А где я теперь буду жить!? – растерялась девушка.

– Не знаю, – пожала плечами вахтер, – но я не имею права пускать тебя на ночь. Ты можешь только в гости приходить к подружкам.

– А Света здесь живет или ее тоже вычеркнули? – спросила Яна, готовая услышать что угодно.

– Да, Света тоже здесь не живет. Но она получила место в общежитии при нашем заводе.

– При заводе!!? – поразила Яна.

– Да, при заводе. Если хочешь, я скажу тебе номер ее комнаты, – вахтерша полистала записи, – я, конечно, не должна

знать всего. Но я знаю, что это может потребоваться, поэтому всегда спрашиваю. – Женщина нашла нужную запись и добавила, – ее комната двадцать семь.

– Спасибо... ну я пойду... – грустно добавила Яна.

– Если что, ты сходи к директору интерната, она поможет, – добавила на прощание вахтер, видя огорченное лицо девушки.

– Хорошо, я схожу, – ответила Яна и поехала к подруге.

Сейчас Яне очень важно было разобраться в том, что произошло. Она довольно быстро доехала до общежития и нашла нужную комнату. Света была «дома». Едва услышав голос Яны, подруга подошла и от души обняла ее.

– Я так соскучилась! Но как ты здесь оказалась?! Ты же в Ленинграде! – Света никак не могла понять, что происходит.

– Я тоже соскучилась, – ответила Яна, – мне климат «тамошний» совсем не подошел. Я чувствовала себя ужасно!

– Жаль, конечно, что ты не смогла там... может я эгоистка – но я так рада, что ты вернулась! – рассмеялась Света.

– Ладно, хватит обо мне, ты-то как? Почему ты здесь, в заводском общежитии? – Яна не могла больше ждать, она должна была знать, что происходит.

Света на несколько минут замолчала, явно сглатывая ком в горле, затем с горечью ответила.

– Мои документы даже посмотреть не стали – просто выставили... тетка, которая там принимает документы... она даже говорить со мной не стала, как будто бы я тупая и не способ-

на ничего понять!

– Так вон оно что! – догадалась Яна, – поэтому Елизавета Федоровна не знает о тебе!

– Какая еще Елизавета Федоровна, – не поняла девушка.

– Заведующая отделением, – объяснила Яна, – она сказала, что никто и ничего ей не сообщал о незрячей абитуриентке. Ты, наверное, не настаивала и сразу ушла?

– Конечно! Я просто вскочила и убежала, чуть не расшиблась по дороге, чтобы не плакать на глазах у этой тетki... – при одном упоминании из незрячих глаз Светы закапали слезы.

– Да это не тетка, там студенты сидят, документы принимают. Эта девчонка там никто, она не имела права решать без начальства! – Яна положила руку на плечо подруги, слегка ободряюще тряхнув его, – все это можно исправить!

– Откуда ты знаешь это? – недоверчиво спросила Света.

– Я только что оттуда. Мои документы приняли и твои тоже примут, только заведующая отделением сказала, что первый курс будет испытательным для нас с тобой, – Яна говорила так убежденно, что подруга начинала верить.

Света выпрямилась, удивленно подняв брови. Она не могла до конца поверить, что у нее еще есть шанс на поступление в институт.

– Да, для нас с тобой, если мы сдадим устный вступительный экзамен. Я думала, что твои документы уже приняли, и сказала, что ты должна была сдать документы раньше ме-

ня. Тогда Елизавета Федоровна сказала, что эти условия касаются нас обеих! – радостно закончила Яна.

– Это так здорово! Ура! – Запрыгала от радости Света. – Тогда я вдвойне рада, что ты приехала! Завтра же с утра отнесу документы! – затем Света вдруг замялась, – может быть, ты сходишь со мной..., а то если какая-нибудь девчонка опять мне что-нибудь скажет, я не смогу, я опять расплачусь и убегу...

Света закончила фразу таким растерянным голосом, что Яна не устояла.

– Хорошо, я схожу с тобой. Только у меня проблема – я не знаю, где я буду ночевать сегодня и все время до зачисления в институт, если я поступлю. Из интерната меня уже выписали, а в общежитии при заводе мне давать комнату не положено, я же не работаю здесь... – сообщила Яна.

– Это не проблема! – убежденно сообщила Света, – я поговорю с вахтершей нашей, она тебя будет пропускать сюда. В нашей комнате есть пустая койка. А потом мы обе перейдем в студенческое общежитие... я уверена, что мы поступим, если только нам дадут возможность сдать экзамены!

– Мне бы твою уверенность... – с сомнением усмехнулась Яна, затем добавила, – ладно, уже не долго ждать, послезавтра экзамен. Нужно только завтра уговорить их принять твои документы. Сегодня же был последний день...

– Правда?! – Света буквально погасла, ее радость и возбуждение мгновенно исчезли, – а вдруг не примут?!

– Не расстраивайся – уговорим, где наша не пропадала...! – ободрила Яна подругу.

– Да уж... – горько усмехнулась Света, – и где только наша не пропадала... везде пропадала!...

В эту ночь Яна осталась у подруги в комнате с еще одной девушкой, Соней, которая работала на заводе уже второй год. Когда она вернулась с работы и услышала о решении девушек, то устало вздохнула.

– Если у вас получится, может быть и я попробую на следующий год... в свое время я струсилa, думала, что все равно не примут... Да и война была... все говорили, что нужно работать для победы, для общего дела...

Утром, чуть свет, полные решимости, девушки отправились к зданию института. Но их решимость не пригодилась, узнав кто пришел – одна из студенток сказала.

– У нас прием уже закончен, но ваши документы, – обратилась она к Свете, – сказали принять. Завтра в девять часов устный экзамен. На второй экзамен, диктант, вы можете не приходить, только на устные. Вы запомните расписание?

– Да, мы запомним расписание – сообщили девушки, от радости даже не обидевшись на сомнение, прозвучавшее в голосе студентки.

Это была победа. И не простая победа, а первая самостоятельная победа! Девушки сами сдали документы в институт и сумели настоять на своих равных правах со зрячими! Вечером они праздновали свою маленькую победу! Засто-

лье было простым, но радостным – картошка, отваренная в «мундире», чтобы не выбрасывать часть ценных питательных овощей с очистками. А завтра предстоял первый экзамен, который должен был определить уровень знаний, полученных в интернате и их будущую участь. Девушки очень сильно волновались, но были полны решимости.

Глава 10

Яна и Света успешно сдали экзамены и были зачислены в институт. Они получили кровати в комнате студенческого общежития, в которой уже поселены были две зрячие девушки с их группы. Одна из соседок по комнате, Ася, была из поселка, расположенного под Талды-Курганом, другая, Лена, жила в Караганде и тоже могла ездить домой только на каникулы.

Дни складывались в недели и месяцы – время летело незаметно в напряженной учебе и радостях студенческой жизни. Самое трудное время начала занятий уже было позади – девушки нашли возможность получения информации из учебников для зрячих. Их соседки по комнате по очереди пересказывали прочитанные параграфы, а Света и Яна потом пересказывали их еще раз друг другу, чтобы запомнить все даты и не упустить главные события. По этой причине все четыре девушки из комнаты учились хорошо.

Первое время было очень сложным еще и потому, что обе девушки, покинув стены интерната, уже не получали бес-

платного питания и одежды, пусть даже скромной. Это было начало самостоятельной жизни. Пенсия, которую получали Яна и Света была очень мала, и на нее невозможно было прожить, оплачивая за комнату в общежитии, питание и одежду. В нужде девушки вспомнили все навыки, полученные в интернате на уроках труда и в свободное время. Яна сшила несколько лоскутных ковриков для ног, Света вспомнила вязание. Эта небольшая добавка к пенсии по инвалидности очень выручала подруг до времени, пока они не начали получать стипендию как хорошие студентки. Студенческая стипендия показалась им «манной небесной» после первых скудных месяцев самостоятельной жизни. Теперь у них появилась новая цель – добиться повышенной стипендии, чтобы хватило не только на пропитание, но и на скромную одежду.

В трудах и хлопотах время летит особенно быстро. Загруженные массой новой информации и впечатлений, девушки не замечали, как летели недели. Яна и Алмат все также продолжали встречаться по выходным, с увлечением беседуя, делясь новостями и впечатлениями. Эти встречи стали необходимостью для обоих. Их дружба переродилась во взаимное влечение. Теперь для них обоих не было секретом, что их дружба стала чем-то большим, но они понимали, что не могут позволить себе ничего большего чем дружба до тех пор, пока не окончат учебу, так как оба жили в общежитии и на стипендию.

В один из дней Варя вызвала подруг на переговоры. Девушки как всегда пошли вместе на переговорный пункт.

– У меня только три минуты! – сразу сообщила Варя, – Как вы, девчонки?

– У нас все в порядке, грызем гранит науки! – бодро ответили девушки.

– А у меня новость, – загадочно начала Варя, – я влюбилась... и он тоже! – девушку явно распирало от такой новости. Ей очень хотелось поделиться с подругами, которые оценят всю грандиозность ее события, – и, между прочим, Женя зрячий!...

– Поздравляю, – с нескрываемой завистью ответила Света, – и где же ты его нашла? Поделись?

– Он учится со мной на одном потоке. Только он намного старше, просто война помешала ему вовремя учиться. Ему уже двадцать четыре. Мы встречаемся уже три месяца! Я не решалась вам говорить, пока не была уверена. А вчера он сделал мне предложение!!! Представляете! – Варя так громко говорила, что даже Яна, стоявшая рядом со Светой, державшей трубку, слышала каждое слово.

– А он действительно любит тебя? – с сомнением спросила Яна, пригибаясь к трубке.

– Ты что, завидуешь?! – обиделась Варя, – ты считаешь, что в меня нельзя влюбиться?!

– Нет, я не завидую и уверена, что в тебя можно влюбиться, – ответила Яна, только я волнуюсь за тебя, чтобы потом

тебе не пришлось плакать как Юле.

– Не все парни такие, как Юлькин – еще больше обиделась Варя, – я хотела, чтобы вы порадовались со мной, а ты все портишь!

– Ладно, извини, – Яна вновь наклонилась к Свете, держащей трубку телефона, – я тебя поздравляю...

– Варька, не обращай внимания на нее, – она просто злится, что у нее все слишком просто складывается – они с Алматом со школы знакомы, встречаются – все слишком ровно. А у тебя все по-настоящему! Я честно тебе скажу – я тебе завидую! Я тоже так хочу! Но я желаю тебе счастья! – весело закричала в трубку Света.

– Я тоже еще раз поздравляю тебя! – добавила Яна, – сообщишь, когда свадьба?

– Сообщу, конечно! – ответила Варя, мне сказали, что время закончилось, сейчас связь оборвется, – успела добавить Варя и связь прервалась.

Света повесила трубку телефона и мечтательно заметила:

– Повезло Варьке. Я тоже хочу себе парня зрячего...

– Чтобы он считал тебя ниже его... или чтобы потом бросил... – горько усмехнувшись, продолжила Яна.

– Вечно ты! Даже помечтать не дает! – отвернувшись Света.

– Мне кажется безопаснее смотреть правде в глаза, меньше бед, – ответила Яна, – мы не нужны зрячим. Если даже матери и отцы нас бросили из-за нашей проблемы, то кто еще согласится помогать нам в наших проблемах?

– Ну нам же девчонки помогают – напомнила Света.

– Они знают, что все это временно, им не придется жить с нами всю жизнь... – Яна медленно открыла дверь кабинки для переговоров, – пойдем домой.

– Ты что-то захандрила подруга, – удивилась Света, – давно я тебя такой не видела.

– Что-то мне тревожно за Варьку... душа болит... – ответила Яна.

– А может быть, ты просто завидуешь по-настоящему, а не так как я? – усмехнулась Света.

– Что ж, может быть, хорошо было бы, если б так! – грустно согласилась Яна.

До самого общежития девушки не проронили ни слова, каждая была погружена в свои мысли. Света все чаще грустила от того, что все подруги уже встречались с парнями, одна вышла замуж, пусть и неудачно, вот и вторая собралась, а она до сих пор ни с кем никогда не встречалась. И не потому, что капризничала, просто так сложилось.

Во время учебы в институте девушки немного реже приходили в общество слепых и слабовидящих, – «первичка», как они его называли. Но минимум два раза в неделю они все же приходили на репетиции хора, на концерты самодеятельности. На третьем курсе Яна устроилась подрабатывать вечерами корреспондентом местной газеты для незрячих. Света также старалась не пропускать встречи, но не потому, что ей все это нравилось. Она была тихой и уравновешен-

ной девушкой, даже немного замкнутой, и эти встречи были для нее единственным шансом познакомиться в молодом человеке из их общества. Но теперь, после звонка Вари, Света почти прекратила посещать общественные мероприятия, — стараясь чаще бывать в обществе зрячих студентов. Она стала вести себя намного смелее и раскованнее, пытаясь привлечь к себе внимание ребят. Яна заметила изменения и только грустно покачала головой. Света напоминала ей бабочку, летящую на огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.